O STAROVĚKÝCH VENKOVSKÝCH KOMUNITÁCH NA J-Z RUSI

O STAROVEKÝCH VONKAJŠÍCH KOMUNITÁCH NA J-Z RUSI

О ДРЕВНИХ ОБЩИНАХ Ю-З РОССИИ

ПРО ДАВНІ СІЛЬСЬКІ ГРОМАДИ НА П-З РОСІЇ

O STAROŻYTNYCH SPOŁECZNOŚCIACH WIEJSKICH W P-Z ROSJ

Алəш Кəйвал

N. D. Ivanišev byl vynikajícím a vysoce uznávaným historikem předminulého století, jehož celoživotním cílem bylo přiblížit široké veřejnosti dobu kopného práva. K tomuto účelu zvolil metodu zpracování výňatků ze starých soudních procesů, na jejichž základě se snažil tento právní řád a jeho historický kontext osvětlit.
Jeho dílo je však původně sepsáno ve starorusínštině, která je pro dnešního čtenáře obtížně srozumitelná. Navíc se jedná o soudní spisy, v nichž se výpovědi často překrývají, což čtenáři, který již zápasí s jazykem, ještě více ztěžuje orientaci v ději.

Rozhodl jsem se proto jedno z jeho děl nejen přeložit, ale zároveň tyto strohé soudní zápisy převést do podoby uceleného příběhu. Vzhledem k tomu, že se tématika týká oblasti jihovýchodní Rusi, připravil jsem překlad nejen do své mateřštiny, ale také do jazyků národů, pro něž by mohlo být dílo přínosné – tedy do ruštiny, ukrajinštiny, slovenštiny a polštiny. Součástí publikace jsou i původní skeny (volně dostupné na internetu) doplněné o jejich přímý automatický přepis. Na přípravě této knihy se mnou významnou měrou spolupracovala také kolegyně Simona.

N. D. Ivanišev bol vynikajúcim a vysoko uznávaným historikom predminulého storočia, ktorého celoživotným cieľom bolo priblížiť širokej verejnosti obdobie kopného práva. Na tento účel zvolil metódu spracovania výňatkov zo starých súdnych procesov, na základe ktorých sa snažil tento právny poriadok a jeho historický kontext osvetliť.

Jeho dielo je však pôvodne napísané v starorusínčine, ktorá je pre dnešného čitateľa ťažko zrozumiteľná. Navyše ide o súdne spisy, v ktorých sa výpovede často prekrývajú, čo čitateľovi, ktorý už zápasí s jazykom, ešte viac sťažuje orientáciu v deji.

Rozhodol som sa preto jedno z jeho diel nielen preložiť, ale zároveň tieto strohé súdne zápisy previesť do podoby uceleného príbehu. Vzhľadom na to, že sa tematika týka oblasti juhovýchodnej Rusi, pripravil som preklad nielen do svojej materčiny, ale aj do jazykov národov, pre ktoré by mohlo byť dielo prínosné – teda do ruštiny, ukrajinčiny, slovenčiny a poľštiny. Súčasťou publikácie sú aj pôvodné skeny (voľne dostupné na internete) doplnené o ich priamy automatický prepis. Na príprave tejto knihy so mnou významnou mierou spolupracovala aj kolegyňa Simona.

Н. Д. Иванишев был выдающимся и высоко признанным историком позапрошлого века, чьей целью было познакомить широкую общественность с эпохой копного права. Для этого он избрал метод обработки выдержек из старинных судебных процессов, на основе которых стремился прояснить этот правовой порядок и его исторический контекст.

Однако его труд изначально написан на старорусинском языке, который для современного читателя труден для понимания. К тому же это судебные документы, где показания часто пересекаются, что еще больше затрудняет ориентацию в сюжете для читателя, уже испытывающего сложности с языком.

Поэтому я решил не только перевести одну из его работ, но и превратить эти сухие судебные записи в целостную историю. Учитывая, что тема касается региона Юго-Восточной Руси, я подготовил перевод не только на свой родной язык, но и на языки народов, которым эта работа могла бы быть интересна — на русский, украинский, словацкий и польский. В публикацию также включены оригинальные сканы (свободно доступные в интернете), дополненные их прямым автоматическим транскрибированием. Значительную помощь в подготовке этой книги мне также оказала коллега Симона.

М. Д. Іванишев був видатним і високо шанованим істориком позаминулого століття, метою якого було наблизити до широкого загалу епоху копного права. Для цього він обрав метод опрацювання уривків зі старих судових процесів, на основі яких намагався висвітлити цей правовий устрій та його історичний контекст.

Проте його праця спочатку була написана старорусинською мовою, яку сучасному читачеві важко зрозуміти. До того ж, це судові документи, у яких свідчення часто перекриваються, що ще більше ускладнює орієнтацію в подіях для читача, який і без того має труднощі з мовою.

Тому я вирішив не лише перекласти одну з його робіт, а й перетворити ці сухі судові записи на цілісну історію. Оскільки тематика стосується теренів Південно-Східної Русі, я підготував переклад не лише своєю рідною мовою, а й мовами народів, яким ця праця могла б бути цікавою – російською, українською, словацькою та польською. Видання також містить оригінальні скани

(що є у вільному доступі в інтернеті), доповнені їхнім прямим автоматичним транскрибуванням. Значну допомогу у підготовці цієї книги мені також надала колега Симона.

N. D. Iwaniszew był wybitnym i wielce cenionym historykiem przedostatniego stulecia, którego życiowym celem było przybliżenie szerokiemu gronu odbiorców epoki prawa kopnego. W tym celu wybrał metodę opracowania fragmentów starych procesów sądowych, na podstawie których starał się naświetlić ten porządek prawny i jego kontekst historyczny.

Jego dzieło zostało jednak pierwotnie spisane w języku starorusińskim, który dla dzisiejszego czytelnika jest trudno zrozumiały. Ponadto są to akta sądowe, w których zeznania często się nakładają, co czytelnikowi, który już zmaga się z językiem, jeszcze bardziej utrudnia orientację w fabule.

Zdecydowałem się zatem jedno z jego dzieł nie tylko przetłumaczyć, ale jednocześnie przekształcić te surowe zapisy sądowe w spójną opowieść. Ze względu na to, że tematyka dotyczy obszaru Rusi Południowo-Wschodniej, przygotowałem tłumaczenie nie tylko na mój język ojczysty, ale także na języki narodów, dla których dzieło to mogłoby być wartościowe – czyli na rosyjski, ukraiński, słowacki i polski. Częścią publikacji są również oryginalne skany (ogólnodostępne w Internecie) uzupełnione o ich bezpośrednią, automatyczną transkrypcję. Przy przygotowaniu tej książki znacząco pomagała mi również koleżanka Simona.

слѣднемъ томѣ, изданномъ Кіевскою Археографическою Коммиссіею, заключающемъ акты, служащіе матеріаломъ для исторіи Козачества, ясно подтверждается важное значеніе общиннаго начала во внутреннемъ строѣ Руси въ древнемъ и среднемъ періодѣ ея историческаго существованія. Важное значеніе общиннаго начала и то особенное упорство, съ которымъ отстаивало его народонаселеніе Руси противъ аристократическаго польскаго элемента, давно уже было замѣчено однимъ изъ сотрудниковъ Коммиссіи Н. Д. Иванишевымъ, при разработкѣ, актовъ XV, XVI, и XVII столѣтій Г. Иванишевъ нашелъ первый слѣды существованія общинно-вѣчевыхъ судовъ въ то позднее время, когда, вопреки естественнымъ инстинктамъ народа, польскій порядокъ вещей подчинилъ себѣ фактически и легально всю Юго-западную Русь и когда мѣстныя стихіи народной жизни, умолкнувъ въ чуждомъ ему законодательствѣ, должны были ограничиться сельскими сходками, существовавшими еще долго на основаніи древняго обычая, не смотря на стремленіе шляхты подавить ихъ и уничтожить. Открытіе это подало поводъ Г. Иванишеву

къ составленію статьи о копныхъ судахъ, помѣщенной въ »Русской Бесѣдѣ« за 1857 годъ въ книжкѣ 3-ей подъ заглавіемъ: »о древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Руси«. Такъ какъ эта статья содержитъ важное историческое открытіе и составляетъ какъ бы основаніе взгляда, подтверждающагося постоянно вновь открываемыми документами, то Коммиссія считаетъ полезнымъ, въ интересахъ отечественной науки, напечатать ее отдѣльнымъ изданіемъ, съ новыми дополненіями автора.

Главный Редакторъ
В. Антоновичъ.

Nejnovější svazek, vydaný Kyjevskou archeologickou komisí, obsahující dokumenty, které slouží jako materiál pro historii kozáků, jasně potvrzuje důležitost univerzálního principu ve vnitřní struktuře Rusi v dávných dobách a průměrnou dobu jeho historické existence. Zásadního významu komunálního principu a zvláštní houževnatosti, s níž lidové dědictví Rusi bránilo proti aristokratickému polskému živlu, si již dlouho všiml jeden z pracovníků komise N. D. Ivanišev při koncipování aktů z 15., 16. a 17. století. Ivanišev sestavil první poznatky existence kopno-komunálních soudů v oné pozdní době, kdy (v rozporu s přirozenými instinkty lidu) si polský řád věcí podmanil celou jihozápadní Rus, a kdy se místní zvyky národního života zmlkly v jemu cizích zákonech a musely se omezit na vesnická shromáždění, fungujících ještě dlouho na základě starověkých zvyků, bez ohledu na pronásledování šlechty udusit je a zničit. Tento objev dal Ivaniševovi příležitost napsat článek o kopných soudech, publikovaný v „Ruské konverzaci" z roku 1857 ve 3. knize pod názvem: „O starých venkovských komunitách v jihozápadní Rusi". Vzhledem k tomu, že tento článek obsahuje vážné historické objevy a představuje jakoby potvrzení názoru stále potvrzovaného nově objevovanými dokumenty, považuje komise v zájmu domácí vědy za užitečné jej publikovat jako samostatné vydání s novými dodatky od autora.

Hlavní redaktor - V. Antonovič

Najnovší zväzok, vydaný Kyjevskou archeologickou komisiou, obsahujúci dokumenty, ktoré slúžia ako materiál pre históriu kozákov, jasne potvrdzuje dôležitosť univerzálneho princípu vo vnútornej štruktúre Rusi v dávnych dobách a priemernú dobu jeho historickej existencie. Zásadného významu komunálneho princípu a zvláštnej húževnatosti, s ktorou ľudové dedičstvo Rusi bránilo proti aristokratickému poľskému živlu, si už dávno všimol jeden z pracovníkov komisie N. D. Ivanišev pri koncipovaní aktov z 15., 16. a 17. storočia. Ivanišev zostavil prvé poznatky existencie kopno-komunálnych súdov v onej neskorej dobe, keď (v rozpore s prirodzenými inštinktmi ľudu) si poľský poriadok vecí podmanil celú juhozápadnú Rus, a keď sa miestne zvyky národného života umlčali v jemu cudzích zákonoch a museli sa obmedziť na dedinské zhromaždenia, fungujúcich ešte dlho na základe starodávnych zvykov, bez ohľadu na prenasledovanie šľachty ududiť ich a zničiť. Tento objav dal Ivaniševovi príležitosť napísať článok o kopných súdoch, publikovaný v „Ruskej konverzácii" z roku 1857 v 3. knihe pod názvom: „O starých vidieckych komunitách v juhozápadnej Rusi". Vzhľadom na to, že tento článok obsahuje vážne historické objavy a predstavuje akoby potvrdenie názoru stále potvrdzovaného novo objavovanými dokumentmi, považuje komisia v záujme domácej vedy za užitočné ho publikovať ako samostatné vydanie s novými dodatkami od autora.

Hlavný redaktor - V. Antonovič

Новейший том, изданный Киевской археологической комиссией, содержащий документы, служащие материалом для истории казачества, ясно подтверждает важность универсального принципа во внутренней структуре Руси в древние времена и среднюю продолжительность его исторического существования. Принципиального значения общинного принципа и особой стойкости, с которой народное наследие Руси защищалось против аристократического польского элемента, уже давно заметил один из работников комиссии Н. Д. Иванишев при составлении актов из 15, 16 и 17 веков. Иванишев составил первые сведения о существовании копно-общинных судов в то позднее время, когда (в противоречии с естественными инстинктами народа) польский порядок вещей подчинил себе всю юго-западную Русь, и когда местные обычаи народной жизни умолкли в чуждых ему законах и должны были ограничиться сельскими собраниями, функционировавшими еще долго на основании древних обычаев, несмотря на преследования дворянства задушить их и уничтожить. Это открытие дало Иванишеву возможность написать статью о копных судах, опубликованную в «Русской беседе» 1857 года в 3-й книге под названием: «О старых сельских общинах в юго-западной Руси». Учитывая то, что эта статья содержит серьезные исторические открытия и представляет собой как бы подтверждение мнения, постоянно подтверждаемого вновь открываемыми документами, комиссия в интересах отечественной науки считает полезным опубликовать её как отдельное издание с новыми дополнениями от автора.

Главный редактор – В. Антонович.

Найновіший том, виданий Київською археологічною комісією, що містить документи, які служать матеріалом для історії козацтва, ясно підтверджує важливість універсального принципу у внутрішній структурі Русі в давні часи та середню тривалість його історичного існування. Принципового значення общинного принципу та особливої стійкості, з якою народна спадщина Русі захищалася проти аристократичного польського елементу, вже давно помітив один з працівників комісії М. Д. Іванішев при складанні актів з 15, 16 та 17 століть. Іванішев склав перші відомості про існування копно-общинних судів у той пізній час, коли (у протиріччі з природними інстинктами народу) польський порядок речей підкорив собі всю південно-західну Русь, і коли місцеві звичаї народного життя замовкли у чужих йому законах і мусили обмежитися сільськими зборами, що функціонували ще довго на підставі стародавніх звичаїв, незважаючи на переслідування дворянства задушити їх і знищити. Це відкриття дало Іванішеву можливість написати статтю про копні суди, опубліковану в «Російській бесіді» 1857 року в 3-й книзі під назвою: «Про старі сільські громади у південно-західній Русі». Враховуючи те, що ця стаття містить серйозні історичні відкриття та являє собою начебто підтвердження думки, що постійно підтверджується знову відкриваними документами, комісія в інтересах вітчизняної науки вважає корисним опублікувати її як окреме видання з новими доповненнями від автора.

Головний редактор - В. Антонович.

Najnowszy tom, wydany przez Kijowską Komisję Archeologiczną, zawierający dokumenty służące jako materiał do historii kozactwa, wyraźnie potwierdza znaczenie uniwersalnej zasady w wewnętrznej strukturze Rusi w dawnych czasach oraz średni okres jej historycznego istnienia. Zasadniczego znaczenia zasady wspólnotowej oraz szczególnej wytrwałości, z jaką dziedzictwo ludowe Rusi broniło się przeciwko arystokratycznemu elementowi polskiemu, już dawno zauważył jeden z pracowników komisji N. D. Iwaniszew przy opracowywaniu aktów z XV, XVI i XVII wieku. Iwaniszew zebrał pierwsze wiadomości o istnieniu sądów kopno-wspólnotowych w owym późnym okresie, kiedy (wbrew naturalnym instynktom ludu) polski porządek rzeczy podporządkował sobie całą południowo-zachodnią Ruś, i kiedy lokalne zwyczaje życia narodowego umilkły w obcych mu prawach i musiały ograniczyć się do wiejskich zgromadzeń, funkcjonujących jeszcze długo na podstawie starożytnych zwyczajów, pomimo prześladowań szlachty mających na celu je zdusić i zniszczyć. To odkrycie dało Iwaniszewowi możliwość napisania artykułu o sądach kopnych, opublikowanego w „Rozmowie Rosyjskiej" z 1857 roku w trzeciej księdze pod tytułem: „O starych wspólnotach wiejskich w południowo-zachodniej Rusi". Zważywszy na to, że ten artykuł zawiera poważne odkrycia historyczne i stanowi niejako potwierdzenie poglądu stale potwierdzanego przez nowo odkrywane dokumenty, komisja w interesie nauki krajowej uważa za pożyteczne opublikować go jako osobne wydanie z nowymi dodatkami od autora.

Redaktor naczelny - W. Antonowicz.

КОПНОЕ
ПРАВО

6 50/216
801-12
534

О ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Н. Иванишева.

Изданіе Кіевской Археографической Коммиссіи.

ОБЩЕСТВО РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

КІЕВЪ.

—

Въ типографіи Федорова и Ми.

1863.

къ составленію статьи о копныхъ судахъ, помѣщенной въ »Русской Бесѣдѣ« за 1837 годъ въ книжкѣ 3-ей подъ заглавіемъ: »о древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Руси«. Такъ какъ эта статья содержитъ важное историческое открытіе и составляетъ какъ бы основаніе взгляда, подтверждающагося постоянно вновь открываемыми документами, то Коммиссія считаетъ полезнымъ, въ интересахъ отечественной науки, напечатать ее отдѣльнымъ изданіемъ, съ новыми дополненіями автора.

Главный Редакторъ
В. Антоновичъ.

О ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ

ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго Центральнаго архива сохранилось нѣсколько судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ изображаются народныя собранія сельскихъ общинъ, существовавшихъ съ незапамятнаго времени въ югозападной Россіи. Эти судебныя дѣла такъ же важны для исторіи русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ, какъ для исторіи нѣмецкаго права акты древнихъ германскихъ общинъ, называемые Ordeel и Weisthümer. Открытіе и изслѣдованіе этихъ актовъ служило нѣмецкимъ юристамъ главнымъ источникомъ для возстановленія германской общины, съ ея законами и юридическими обычаями. Судебныя дѣла сельскихъ народныхъ собраній югозападной Россіи, такъ же точно, какъ и акты германскихъ марокъ, изображаютъ составъ общинъ, устройство народныхъ собраній, порядокъ судопроизводства и юридическіе обычаи, по которымъ рѣшались дѣла. Открытіе и изслѣдованіе этихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ представляетъ важныя затрудненія. Приговоры народныхъ собраній не были выражаемы письмомъ, но сохранялись въ памяти народа. Уже въ позднѣйшія времена, когда судебныя мѣста получили правильную и обширную организацію, акты

Въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго Ценгральнаго архива сохранилось нѣсколько судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ изображаются народныя собранія сельскихъ общинъ, существовавшихъ съ незапамятнаго времени въ югозападной Россіи. Эти судебныя дѣла такъ же важны для исторіи русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ, какъ для исторіи нѣмецкаго права акты древннхъ германскихъ общинъ, называемые Ordeel и Weisthumer. Огкрытіе и изслѣдованіе этихъ актовъ служпло нѣмецкимъ юристамъ главнымъ источникомъ для возстаповленія германской обіцины, съ ея законами и юридическими обычаями. Судсбныя дѣла сельскихъ народныхъ собрапій югозанадной Россіи, такъ же точно, какъ и акты германскихъ марокъ, изображаютъ составъ общинъ, устройство народііыхъ собравій, порядокъ судопроизводства и юрндическіе обычаи, по которым і. рѣшались дъла. Огкрытіе и изслѣдованіе этихъ народныхъ юридическихъ обычаевь представляегъ важныя затрѵдненія. Приговоры народныхъ собраній не были выражаемы письмом», но сохранялись вь памяти нярода. Уже в позднѣйніін времена, когда іудебныя мѣста получили правильную и обширную организацію, акты

народныхъ собраній предоставляемы были въ урядъ, для внесенія въ актовыя книги; но это случалось рѣдко, и при томъ зависѣло отъ произвола общинъ и частныхъ лицъ, подлежавшихъ вѣдомству народнаго собранія. Отъ этого, разсмотрѣвъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскихъ, я открылъ въ нихъ не болѣе двадцати-двухъ судебныхъ актовъ; древнѣйшій изъ нихъ писанъ 1564-го, позднѣйшій 1622-го года.

На основаніи этихъ матеріаловъ, я изложу составъ югозападной сельской общины, устройство сельскихъ народныхъ собраній и юридическіе обычаи, по которымъ производилось слѣдствіе и постановлялись судебныя рѣшенія. Для того, чтобъ читателю дать возможность наглядно повѣрять наше изслѣдованіе, я счелъ нужнымъ приложить шесть актовъ, болѣе важныхъ по своему содержанію, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Первый изъ этихъ актовъ (1564-го Апрѣля 18-го) замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ собранія сельскихъ общинъ называются вѣчами; второй актъ (1570-го Генваря 12-го) даетъ понятіе о томъ неуваженіи, съ какимъ помѣщики и ихъ урядники смотрѣли на сельскія вѣча; въ третьемъ актѣ (1585-го Генваря 2-го) наглядно изображается древній способъ преслѣдованія преступника, по его слѣдамъ; въ четвертомъ актѣ (1596-го Августа 5-го) заключается порядокъ слѣдствія надъ трупомъ неизвѣстнаго лица; пятый актъ (1608-го Маія 15-го) доказываетъ, что сельскія вѣча, состоявшія большею частію изъ крестьянъ, могли требовать на свой судъ не только поселянъ, но и помѣщиковъ; наконецъ, въ шестомъ актѣ (1622-го Декабря 9-го) изображается порядокъ угол знаго

суда: изъ этого акта видно, что сельскіе общинные суды имѣли право подвергать обвиняемаго пыткѣ и казнить преступника смертною казнію.

Въ отношеніи къ составу, сельскія общины югозападной Россіи являются въ различныхъ формахъ. Одно многолюдное селеніе могло составлять отдѣльную общину. Такую общину составляло село Богуринское въ Луцкомъ повѣтѣ, принадлежавшее нѣсколькимъ помѣщикамъ [1]).

Но общины, состоявшія изъ одного селенія, встрѣчаются рѣдко; большею частію онѣ заключали въ себѣ нѣсколько, отъ четырехъ до девяти, сосѣднихъ селеній [2]). Одно изъ селеній, составлявшихъ общину, служило центральнымъ мѣстомъ, въ которомъ со-

---

[1]) См. Прил. II.

[2]) Въ открытыхъ нами актахъ находимъ шесть такихъ общинъ: 1) Община въ Владимірскомъ повѣтѣ заключала въ себѣ четыре селенія: помѣщичьи селенія Иизнеичи, Бутятичи, Варески и село епископа Владимірскаго Тышкевичи (прилож. VI.); 2) Община въ томъ же повѣтѣ заключала въ себѣ пять селеній: королевское село Стеферицкое и помѣщичьи села Овлучинъ, Вербое, Руда и Вохновичи (прилож. V); 3) Въ Луцкомъ повѣтѣ община заключала въ себѣ шесть помѣщичьихъ селеній: Крупое, Ставокъ, Дворецъ, Подгайцы, село Переднее Подгайцы и Вишки. Въ составъ этой общины входило также предмѣстье Луцкое (книга град. Луцкая 1583-го года, листъ 255-й); 4) Общину въ Владимірскомъ повѣтѣ составляли семь помѣщичьихъ селеній: Могилыо, Гноїно, Турья, Смолянка, Колинъ, Войчовъ и Вербое (книга гродская Владимірская 1602 года, листъ 131); 5) Общину въ Луцкомъ повѣтѣ составляли восемь селеній: Велицкъ, Селецкъ, Подлѣсье, Арсоново, Корсынъ, Читогощъ, Брехово, и Уголье (прил. I.); 6) Въ томъ же повѣтѣ общину составляли девять помѣщичьихъ селеній: Порыцкъ, Жмучъ, Воля Жмудская, Мельница, сельцо пана Евстафія Коровая, сельцо пана Андрѣя Коровая, сельцо паньи Малиской, село Углы и село Подлѣсы (книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47).

народныхъ собраній предотавляемы были въ урядъ, для внесенія въ актовыя пиги; но это случалось рѣдко, и при томъ зависѣло отъ произвола общинъ и частныхъ лицъ, подлежавшихъ вѣдомству народнаго собранія. Отъ этого, разсмотрѣвъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ Луцкихъ, Владимірскихъ и Житомирскнхъ, я открыдъ въ нихъ нс болѣе двадцати-двухъ судебныхъ актовъ; древнѣйшій изъ нихъ писанъ 1564-го, позднѣйшій 1622-го года. Иа основаніи этихъ матеріаловъ, я изложу составъ югозападной сельскоп общины, устройство сельскихъ народныхъ собраній и юридическіе обычаи, по которымъ производилось слѣдствіе и посгановлялись судебныя рѣшенія. Для того, чтобъ читателю дагь возмоашость паглядно повѣрять наше изслѣдованіе, я счелъ, нужнымъ приложить шесть актовъ, болѣе важныхъ по своему содержанію, съ нереводомъ ихъ на русскій языкъ. Iервый изъ этихъ актовъ (1504-го Апрѣля 18-го) замѣчателенъ тѣмъ, что въ немь собранія сельскихъ обіцинъ называются вѣчами; второй актъ (1570-го Генваря 12-го) даеть понятіе о томъ пеуваженіи, съ какимъ ноиѣщики и ихъ урядникп смотрѣли на сельскія вѣча; въ третьемъ актѣ (1585-го Генваря 2-го) наглядно изображается древній способъ прсслѣдованія прсступника, по его слѣдамъ; въ четвертомъ актѣ (1596-го Августа 5-го) заключается порядокъ слѣдствія надъ трупомъ неизвѣстнаго лица; пятый акгъ (1608-го Маія 15-го) доказываетъ, что сельскія вѣча, состоявшіа болышею частію изъ крестьянъ, могли требовать на свой судъ не голько поселянъ, но н помѣщиковъ; наконецъ, въ шестомъ актѣ (1622-го Декабря 9-го) изображается норядокъ угол знаго

суда: изъ эгого акта видно, что сельскіе общинные суды имѣли право подвергать обвиняемаго иыткѣ и казнить преступника емертною казнію.

Въ отношеніи къ составу, сельскія общины югозападной Россіи являются въ различпыхъ формахъ. Одно многолюдное селеніе могло составлять отдѣльную общипу. Такую общину составляло село Богуринское въ Луцкомъ повѣтѣ, принадлежавшее нѣсколькимъ помѣпщкамъ 1).

Но общины, состоявшія изъ одного селенія, встрѣчаются рѣдко; большею частію онѣ заключали въ себѣ; нѣсколько, отъ четырехъ до девяти, сосѣднихъ селеній 2). Одно изъ селепій, составлявшихъ общину, служило центральнымъ мѣстомъ, въ которомъ собирались

---

1) См. Прил. II.

2) Въ открытыхъ иами актахъ находиmъ шесть такихъ общиiъ: 1) Обхцина въ Владимірскомъ повѣтьтъ; заключала въ себѣ четыре селенія: иомѣшичьи селенія Иизнсничи, Бутятичи, Варески и село епископа Владимірскаго Тышкевичи (прилож. VI.); 2) Общчша въ томъже повѣтьтъ заключала въ себѣ пять селеній: королевское село Стеферицкое и номъщичьи села Овлучимъ, Всрбос, Руда и Вохновичи (прилож. V); 3) Въ Луцкомъ иовѣтьтъ община заключала въ себѣ шесть иомѣщичьихъ селеній: Крупое, Ставокъ, Дворецъ, Подгайцы, село Переднее Подгайцы и Вишки. Въ составъ этой общипы входило также прсдмѣстье Луцкое (книга грод. Луцкая 1583-го года, листъ 255-й); 4) Общиuу въ Владимірскомъ повѣтъ составляли семь помвщичьихъ селеній: Могилыо, Гноїно, Турья, Смолянка, Колинъ, Войчовъ и Вербое (киига гродская Владимірская 1602 года, листъ 131); 5) Общину въ Луцкомъ повѣтьтъ составляли восемь селеній: Велицкъ, Селецкъ, Подлъсье, Арсопово, Корсынъ, Читогощъ, Брехово, н Уголье (нрил. I.); 6) Въ томъ же повѣтьтъ общину составляли девять номѣщичьихъ селеній: Порыцкъ, Жмучъ, Воля Жмудская, Мельиица, сельцо пана Евста«мя Коровал, сельцо нана Андрѣя Коровая, ссльцо паньи Малиископ, село Углы и село Подлѣсы (киига гродская Луцкая 1591 года, листъ 47).

бирались крестьяне на вѣче. Частое стеченіе народа въ это селеніе развивало городскія отрасли промышленности, ремесла и торговлю. Тогда селеніе обращалось въ мѣстечко или городъ; жители его получали званіе мѣщанъ, но по прежнему принадлежали къ общинѣ, состоявшей изъ мѣстечка или города и сосѣднихъ селеній [1]). Когда мѣстечку или городу, составлявшему центръ сельской общины, предоставлялось магдебургское право, то городское народонаселеніе отдѣлялось отъ общины, составляло отдѣльную корпорацію, учреждало особенное управленіе, основанное на избирательномъ началѣ, и освобождалось отъ участія въ сельскихъ народныхъ собраніяхъ. Въ слѣдствіе такого отдѣленія самой богатой части народонаселенія, сельская община слабѣла; но связь между селеніями, ее составлявшими, не прекращалась. Можно полагать, что такимъ способомъ отдѣлился городъ Луцкъ отъ своей общины; потому что, не смотря на право магдебургское, которымъ пользовался этотъ городъ, предмѣстье его Окопища все еще продолжало сохранять связь съ селеніями : Вышками, Жидичиномъ, Теремнымъ, Яровицами, Дворцомъ и Липлянами, и составляло съ ними одну общину [2]).

[1]) Къ такого рода общинамъ принадлежали: 1) мѣстечко Турійскъ и селенія: Ставокъ, Ежи, Туровичи и Клечковичи,—въ повѣтѣ Владимірскомъ, (книга гродская Владимірская 1622-го года, листъ 638); 2) мѣстеко Рожищи и села: Любечъ, Рудка, Козинъ, Ставъ, Соловинъ, Дущъ, Навозъ, Соколенъ и Смердинъ — въ повѣтѣ Луцкомъ (прилож. III.); 3) городъ Дубно, принадлежавшій князю Константину Острожскому, и селенія: Ранчинъ, Погорѣльцы, Ивань, Головичи, Вознесенье, Тороканово и Подборцы—въ повѣтѣ Луцкомъ (прилож. IV).

[2]) Книга гродская Луцкая 1596 года, листъ 237. Иностранные писатели среднихъ вѣковъ упоминаютъ о неѣроятномъ множествѣ городовъ, принадлежавшихъ славянскимъ племенамъ юго-западной Россіи. Такъ сочинитель Географическихъ Мюнхенскихъ записокъ, живній прежде Нестора, говоритъ о Бужанахъ, или Волынцахъ, жившихъ по рѣкѣ Бугу: »Бужане имѣютъ 231 городъ (civitates)«. Съ достовѣрностью можно предполагать, что подъ городами разумѣются здѣсь центральныя мѣста общинъ.

Селенія, составлявшія общину, назывались *селами околичными*. На какомъ основаніи и въ какое время возникла и утвердилась между ними общинная связь, опредѣлить трудно. Этотъ вопросъ можно будетъ рѣшить тогда, когда будутъ открыты болѣе древніе акты. Въ памятникахъ письменнаго законодательства, дошедшихъ до насъ, пѣтъ объ этомъ никакихъ постановленій. Крестьяне иногда жаловались въ урядъ, что нѣкоторыя селенія, состоя съ ними въ одной общинѣ, уклоняются отъ исполненія общинныхъ обязанностей; но связь между селеніями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностію: »они издавна съ нами о шкоды вшелякія схоживалися«[1])

Каждому селенію принадлежало пространство земли, опредѣленное точными границами. Это необходимо было особенно потому, что, въ случаѣ преступленія, отвѣтственность, прежде всего, падала на то селеніе, на земляхъ котораго находимы были улики. Совокупность земель, принадлежавшихъ такимъ селеніямъ, составляла округъ сельской общины. Но присоединеній древнихъ областей югозападной Россіи къ Литвѣ и Польшѣ, общинныя земли частію присоединены были къ королевскимъ имѣніямъ, частію розданы помѣщикамъ, городамъ, церквамъ и монастырямъ; поэтому сельскія общины,

[1]) Приложеніе III.

крестьяне на вѣчге. Частое стеченіе народа въ это селеніе развивало городскія отрасли промышленности, ремесла и торговлю. Тогда селснie обращалось въ мѣстечко или городъ; жйтели его получали званіе мѣщанъ, но по прежнему принадлежали къ общинѣ, состоявшей изъ мѣстечка илй города и сосѣднпхъ селеній [1]). Когда мѣстечку или городу, составлявшему центръ сельской общины, предоставлялось магдебургское право, то городское народонаселеніе отдѣлялось отъ общины, составляло огдѣльную корпорацію, учреждало особенное управлеиіе, основанное на избирательномъ началѣ, и освобоікдалось огъ участія въ сельскихъ народныхъ собраніяхъ. Въ слѣдствіе такого отдѣленія самой богатой части народонаселенія, сельская община слабѣла; но связь между селеніями, ее составлявшими, не прекращалась. Можно полагать, что такимъ способомъ отдѣлился городъ Луцкъ отъ своей общины; потому что, не смотря на право магдебургское, которымъ пользовался этотъ городъ, предмѣстье его Окопища все еще продолжало сохранять связь съ селеніями : Вышками, Жидичиномъ, Теремнымъ, Яровицами, Дворцомъ и Липлянами, и составляло съ ними одну общину [2]).

---

[1]) *Къ такого рода общинамъ принадлежали: 1) мѣстечко Турійскъ и селенія: Ставокъ, Ежи, Туровичи и Клечкович,-въ повѣтѣ Владимірскомъ, (книга гродская Владимірская 1622-го года, листъ 638); 2) мѣстеко Рожищи и села: Любечъ, Рудка, Козинъ, Ставъ, Соловинъ, Дущъ, Навозъ, Соколенъ и Смердинъ-въ повѣтѣ Луцкомъ (прилож. III.); 3) городъ Дубно, принадлежавшій князю Константину Острожскому, иселенія: Ранчинъ, Погорѣльцы Цвань, Головичи, Вознесенье, Тороканово и Подборцы-въ повѣтѣ*

[2]) Книга гродская Луцкая 1596 года, листъ 237. Иностранные

Селенія, составлявшія общину, назывались селами околичными. На какомъ основаніи и въ какое время возникла и утвердилась между ними общинная связь, опредѣлигь трудно. Этотъ вонрось можно будетъ рѣшить тогда, когда будутъ открыгы болѣе древніе акты. Въ памягникахъ письменнаго законодатслыгва, дошедшихъ до насъ, пѣтъ обь этомъ никакихъ постаногленій. Нрестьяис иногда жаловались въ урядѣ, что нѣкоторыя селснія, состоя съ ними въ одной общинѣ, уклоняются отъ исполненія общинныхъ обязанностей; но связь между селеніями крестьянс доказывали не законами и не договорами, а одною то.іько данностію: »они издавна сь нами о ???? вшелякія схогкивалисяи[1])

Каждому селеиію принадлежало просгранство земли, опрсдѣлепное точными границами. Это необходимо было особенно нотому, что, въ случаѣ преступленія, отвѣтсгвеиность, пре;кдс всего, падала на то селепіе, на земляхъ когораго находимы были улики. Совокуниость эсмель, принадлежавшихъ такимъ селеніямъ, состанляла округъ сельской общины. Но присоединеній древнихъ областей югозападной Россіи къ Литвѣ и ПОЛЬШѢ, общинныя земли частію присоединсны были кь королевскимъ имѣніямь, чаетію розданы помѣщикамъ, городамъ, церывамъ и монастырямъ; ноэтому сельскія общины,

---

писатсли ередиихъ вѣковъ упоминаютъ о непѣроятномъ мнoчкествѣ іородовь. принадлежчівшихъ слапянскимъ нлеменамъ югозападноіі Россіи. Такъ сочипитель Географическихъ Мюнхенскнхъ записокъ, живчій прежде Нестора, говоритъ о Бужапахъ, пли Волыпцахъ, жившихъ но рѣкѣ Бугу: »Бужане нмѣютъ 231 городъ (civilitates)«. Сь достовѣрпостью можно нредполагать, что подъ городами разумѣются здѣсь централыіыя мѣста общинъ.

) Приложеніе III.

въ томъ видѣ, какъ онѣ изображаются въ открытыхъ нами актахъ, не имѣли права собственности на земли, ими занимаемыя. Впрочемъ, каждый крестьянинъ отдѣльно могъ пріобрѣтать поземельныя участки, и владѣть ими на правѣ полной собственности.

Сельская община состояла изъ всѣхъ лицъ простаго сословія (люди простого стану), имѣвшихъ постоянную осѣдлость въ ея округѣ. Сюда относились: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, сельчане, или свободные поселяне [1]) мѣщане, не пользовавшіеся правомъ магдебургскимъ [2]). Сверхъ того, къ общинѣ принадлежали также земляне королевскіе, то есть, безземельные шляхтичи, которые получали во владѣніе участки королевскихъ земель, подъ условіемъ исполнять опредѣленныя, преимущественно военныя повинности [3]).

Исчисленныя нами общины находились только въ двухъ повѣтахъ: Луцкомъ и Владимірскомъ, но изъ Статута Литовскаго видно, что это установленіе распространено было по всей Руси и въ другихъ мѣстахъ [4]); а Русь, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ составляли воеводства: Волынское, Подольское, Бельское

[1]) См. прилож. 1. — [2]) Книга справъ поточныхъ гродскихъ Луцкихъ 1590-го года, листъ 942 на оборотѣ.— [3]) Книга гродская Луцкая 1583-го года, листъ 255—259.

[4]) Статутъ Литовскій 1588-го года, роз. XIV, артик. 9. Здѣсь говорится собственно не о сельскихъ общинахъ, а о копахъ: »на Руси и инде, гдѣ здавна копы бывали «. Копы сбираны и отправованы быти маютъ, яко ся на Руси зоховывало и заховуетъ«. Но копами, какъ мы объяснимъ въ продолженіи нашего изслѣдованія, назывались народныя собранія сельскихъ общинъ; слѣдовательно, гдѣ была копа, тамъ была и сельская община.

и Русское, къ которому принадлежали земля Львовская, земля Саноцкая, земля Галицкая и земля Хелмская [1]). Сверхъ того, изъ актовъ видно, что сельскія общины существовали и въ воеводствѣ Кіевскомъ.

Главная цѣль соединенія селеній въ общины состояла въ томъ, чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе. Каждое селеніе порознь и вся община вмѣстѣ отвѣчали за проступки всѣхъ своихъ членовъ. Въ предѣлахъ своего округа, община ручалась за безопасность жизни и имущества какъ своихъ собственныхъ членовъ, такъ и пришельцовъ. Мы говоримъ здѣсь о сельской общинѣ, какъ она является въ открытыхъ нами актахъ XVI и XVII вѣка; во времена болѣе отдаленныя, она могла имѣть болѣе обширный кругъ власти и отвѣтственности.

Каждая сельская община имѣла свои народныя собранія для совѣщаній и для рѣшенія дѣлъ, подлежавшихъ ея вѣдомству. Такое народное собраніе называлось *копа* или *купа*, также *громада, великая громада*. Совѣщаніе народнаго собранія называлось *вѣчемъ:* копа собиралась на вѣче, то есть, для совѣщанія [2]). Изъ этого видно, что вѣча, о которыхъ упоминаютъ наши древнія лѣтописи, не были исключительною принадлежностію городскихъ общинъ, но они принадлежали и сельскимъ общинамъ. Слово вѣче встрѣчается только въ древнѣйшемъ изъ от-

[1]) Starożytna Polska, Balińskego· T. 2. str· 36·

[2]) См. приложеніе I.

в томъ видѣ, какъ онѣ изображаются въ открытыхъ нами актахъ, не имѣли нрава собственности на земли, ими занимаемыя. Впрочемъ, каждый крестьянинъ отдѣльно могъ пріобрѣгагь поземельныя участки, и влядѣть ими на правѣ полной собственности.

Сельская община состояла чзъ всѣхъ лицъ простаго сословія (люди простого стану), имѣвшихъ постоянную осѣдлость въ ея округѣ. Сюда относились: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, сельчане, или свободные поселяне[1]) мѣщапе, не пользовавшіеся правомъ магдебургскимъ [2]). Сверхъ того, къ общинѣ принадлежали также земляне королевскіе, то есть, безземельные шляхтичи, когорые получали во владѣніе участки королевскихъ земель, подъ условіемъ исполнять опредѣленныя, преимущественно военныя повинности [3]).

Исчисленныя нами общины находись только въ двухъ повѣтахъ: Луцкомъ и Владимірскомъ, но изъ Статута Литовскаго видно, что это установленіе распросгранено было по всей Руси и въ другихъ мѣстахъ [4]); а Русь, вь тѣснѣйшемъ смыслѣ составляли воеводства: Волынское, Подольское, Бельское

---

1) См. Прилож. 1 -

2) Книга справъ поточныхъ гродскихъ Луцкихъ 1590-го года, листъ 942 на оборотѣ.-

8) Книга гродская Луцкая 1583-го года, листъ 255—259.

4) Статутъ Литовскій 1588-го года, роз. XIV, артик. 9. Здѣсь говорится собственно не о сельскихъ общинахъ, а о копахъ: »на Руси и инде, гдѣ здавна копы бывали «. Копы сбираны и отправованы быти маютъ, яко ся на Руси зоховывало и заховуетъ«. Но копами, какъ мы обьяснимъ въ продолженіи нашего изслѣдования, назывались народныя собранія сельскихъ общинъ; слѣдовательно, гдѣ была копа, тамъ была и сельская общиuа.

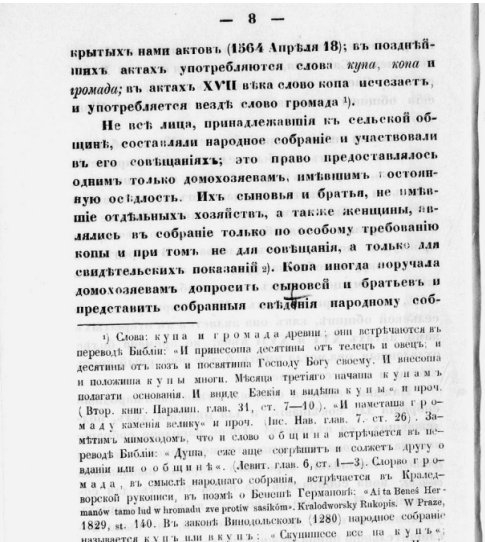
и Русское, гь которому принадлеиіали земля Львовская, земля Саноць-ая, земля Галпцкая и земля Хелмская *). Сверхъ того, изъ актовъ видно, что сельскія общины существовали и въ воеводствѣ Кіевскомъ.

Главная цѣль соединеніе селеній въ общины состояла вь томъ, чтобі.і предупреяідать нарушепіе законовъ, огкрывать и преслѣдовать пр» ступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присужлать и достаилять обиженному вознаграя«деніе. Ііаждое селеніе порознь и вся община вмѣстѣ огвігчали за проступки всѣхъ своихъ членовъ. Въ предѣлахъ своего округа, община ручалась зл безопасность жизни и имущества какъ своихъ собственныхъ членовъ, гакъ и пришельцовь. Мы говоримъ здѣсь о сельской обіцинѣ, какъ она является въ открытыхі. нами акгахъ XVI и XVЧI вѣка; во времена болѣс отдаленныя, она могла имѣть болѣе обшіірный кругъ ііласти и отвѣгственности.

Наждая сельская община имѣла свои народныя собранія длзі совѣщаніі и для рѣіпенія дѣлъ, подлежавшихъ ея вѣдомству. Такое народное собраніе называлось *копа* или *купа,* также *громада, великал громада.* Совѣіцаніе народнаго собранія называлось *вѣчемъ:* копа собиралась па вѣчс, то есть, для совѣщанія2). Изъ этого видно, что вѣча, о которыхъ упомипаютъ наши древнія лѣтописи, не были исключительною принадлежностію городскихъ общинъ, но они принадлежалііі и сельскимъ общинамъ. Слово вѣче встрѣчается только въ древнѣйшемъ изъ

') 8іаі'о2}Іпа Роівка, Ваііівкево' Т. 2. 8І36>

**) См. приложеніе I.*

— 8 —

крытыхъ нами актовъ (1564 Апрѣля 18); въ позднѣйшихъ актахъ употребляются слова *купа, копа* и *громада;* въ актахъ XVII вѣка слово копа исчезаетъ, и употребляется вездѣ слово громада [1]).

Не всѣ лица, принадлежавшія къ сельской общинѣ, составляли народное собраніе и участвовали въ его совѣщаніяхъ; это право предоставлялось однимъ только домохозяевамъ, имѣвшимъ постоянную осѣдлость. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также женщины, вмѣлись въ собраніе только по особому требованію копы и при томъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній [2]). Копа иногда поручала домохозяевамъ допросить сыновей и братьевъ и представить собранныя свѣдѣнія народному соб-

[1]) Слова: купа и громада древни; они встрѣчаются въ переводѣ Библіи: «И принесоша десятины отъ телецъ и овецъ, и десятина отъ козъ и посвятиша Господу Богу своему. И внесоша и положиша купы многи. Мѣсяца третіяго начаша купамъ полагати основанія. И вниде Езекія и видѣша купы« и проч. (Втор. книг. Паралип. глав. 31, ст. 7—10). «И наметаша громаду каменія велику« и проч. (Іис. Нав. глав. 7. ст. 26). Замѣтимъ мимоходомъ, что и слово община встрѣчается въ переводѣ Библіи: « Душа, еже аще согрѣшитъ и солжетъ другу о вдании или о общинѣ«. (Левит. глав. 6, ст. 1—3). Словоо громада, въ смыслѣ народнаго собранія, встрѣчается въ Краледворской рукописи, въ поэмѣ о Бенешѣ Германовомъ: «Ait ta Benes Hermanów tamo lud w hromadu zve protiw sasiköm». Královdworsky Rukopis. W Praze, 1829, st. 140. Въ законѣ Винодольскомъ (1280) народное собраніе называется купъ или вкупъ: « Скупившесе все на купъ«; « Избрашс се одъ всякога града старѣйши навкупъ«. Чтенія въ общ. истор. и древ. росс. 1846-го года № 3-й. У Сербовъ и до сихъ поръ народное собраніе называется скупъ: см. Общественный и домашній бытъ Сербовъ. Журн. М. Н. П. 1856-го года, Апрѣль, стран. 91.

[2]) Книга гродская Луцкая 1583-го года, лист. 255—259.

— 9 —

равію [1]). На копѣ являлся священникъ, но онъ присутствовалъ для приведенія подсудимыхъ къ присягѣ и въ качествѣ свидѣтеля, не принимая участія въ народныхъ совѣщаніяхъ [2]).

Домохозяева, составлявшіе народное собраніе, назывались: *сходатаи, сходатаи сугранічные, сосѣди околотные, сосѣди-сугранічники, судьи копные, мужове, панове-мужове, обчге,* то есть, общинные *мужи.* Между ними отличались *старцы,* которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній народнаго собранія.

Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне, въ молодыхъ лѣтахъ, вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльныя хозяйства; то по этому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, вѣче было не только судебнымъ собраніемъ, но и школою для изученія права, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.

Сверхъ сходатаевъ, въ народное собраніе приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдней общины, по одному или по два человѣка изъ каждаго селенія. Эти лица назывались *людьми сторонними;* они не участвовали въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи приговора, но слѣдили за ходомъ дѣлъ въ народномъ собраніи, чтобы, въ случаѣ надобности,

[1]). Въ той же книгѣ, лист. 274. [2]) Тамъ же, листъ 297.

открутыхъ намп актовъ (1564 Апрѣдя 18); вь позднѣйіпихъ актахъ употребляются слова купа, копа и іромада; въ актахъ XVII вѣка слово копа исчезае гъ, и употребляется вездѣ слово громада.
Не всѣ лиця, принадлежавіпія къ сельской общинѣ, состакляли народное собраніе и участвовали въ его совѣіцаніяхъ; это право иредоставлялось однимъ голько домохозяевамъ, имѣвіиимь і остоянную осѣдлость. Ихъ сыновья и братья, не пмѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствь, а также жснщины, »влялнсь нь собраніе только по особому требованію копы и при томь не для совѣщанія, а тольы) для свидѣгельскихъ показаній 2). Копа иногда поручала домоѵозяевамъ допросиѣ сыновсй и братьевъ ипредставить собранныя свѣденія народному собранію.

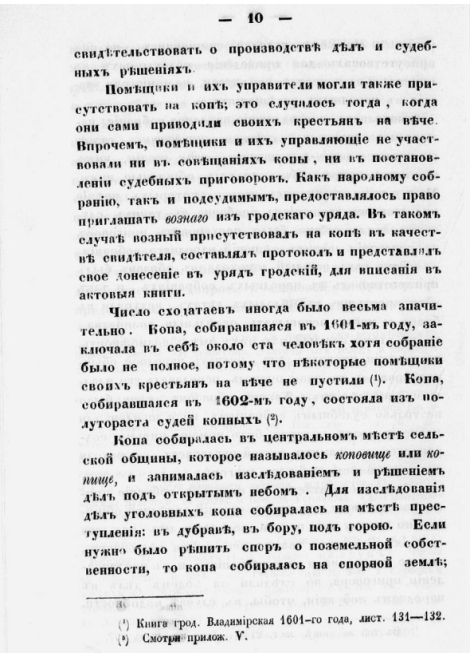
---

1) Слова: купа и громада дреиш, онн встрѣчаюхся вь переводѣ Библіи: »И приесоша десятины оть телецъ и овецъ, и десятины оть козь и посвяшша Господу Богу своему. II внесоша и положиша купы многи. Мѣсяца третіяго начаша купамь полагати основанія. И вниде Езекія и видѣша купы« и проч. (Втор. кннг. Паралин. глав. 31, ст. 7 Ю). -И намеіаща г р о м а д ѵ каменія велику« и проч. і)ис. Нав. глав. /. ст. *Ib).* йа мѣтим-ь мимоходомь, что п слово о б щ и н а встрѣчается »ъ переводѣ Библіи: Душа, ечке аще согрѣшить и солжегь ДРУУ « вдаиіиилиообщин Ѣ«. (Левит.глав.6,ст.1-3).СлорвогроМ а д а Пь смыслѣ народнаго собранія, встрѣчается в-ь Кралед вооскоП рѵкописи, вь поэмѣ о Бенешѣ Германовѣ: «АііаВепой НегГаГ^иа..— гѵергойѵ завi^.КЫ^^ 1829 вi НО. В'ь ааконѣ Виподольскомь (1280) народное собранн иазьшаетсякупъиливкунь: - Скуиишесе все па куиъ.; «Избрашс се одг всакога града (•тарійши на вкунъ«. ігсшя ьъ общ. истор. п древ. росс. 1846-го года No 3-й. У Сербовь н до сихъ гіоръ народпое собраніс казывается с к у пъ: см. иощественный и домапшіп бытъ Сербовъ. Жур. М. Н. П. 1856-го іода, Апрѣль, стран. 91.
') Книга гродская Луцкая 1583-го года, лист. 255—259.

(') На копѣ являлся священникъ, но онъ присутствовалъ для приведенія нодсудимыхъ къ присягѣ и вь качествѣ свидѣтеля, не принимая участія въ народныхъ совѣіцаніяхъ 2).
Домохозяева, составлявшіе народное собраніе, назывались: *сходатаи, сходатаи сугранічные, сосѣди околтные, сосѣди-сугранічники, судьи копные, мужеве, панове-мужове, обчге,* то есть, общинные *мужи.* Между ними отличались *старцы,* когорыхъ мнѣніе пользовалось уваніеніемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановигь приговооъ на основаніи давнихъ рѣшеній народнаго собранія.
Такъ какъ каждый домохозлинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне, вь молодыхъ лѣтахъ, вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльныя хозяйства ; ТО ГІО этому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучагь народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, вѣче было не голько судебнымъ собраніемь, но и школою длн изученія права, когорое, безъ помощи письма, сохранялось вь намяти мужей-сходатаевъ, переходн отъ одного поколѣнія къ другому.
Сверхъ сходатаевъ, въ народное собраніе приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдней общины, ио одномѵ или по два человѣка изъ каждаго селенія. Эти лица назывались людьми сторонними ; они не участвоиали въ совѣщаніяхъ и вь постановленіи приговора, но слѣдили за ходомч» дѣлъ нь пародпомъ собраніи, чтобы, вь случаѣ надобнооти,

---

'). Въ той же книгѣ, лист. 274..) 1'амъ же, ЛИСТI. 297.

— 10 —

свидѣтельствовать о производствѣ дѣлъ и судебныхъ рѣшеніяхъ.

Помѣщики и ихъ управители могли также присутствовать на копѣ; это случалось тогда, когда они сами приводили своихъ крестьянъ на вѣче. Впрочемъ, помѣщики и ихъ управляющіе не участвовали ни въ совѣщаніяхъ копы, ни въ постановленіи судебныхъ приговоровъ. Какъ народному собранію, такъ и подсудимымъ, предоставлялось право приглашать *вознаго* изъ городскаго уряда. Въ такомъ случаѣ возный присутствовалъ на копѣ въ качествѣ свидѣтеля, составлялъ протоколъ и представлялъ свое донесеніе въ урядъ городскій, для вписанія въ актовыя книги.

Число сходатаевъ иногда было весьма значительно. Копа, собиравшаяся въ 1601-мъ году, заключала въ себѣ около ста человѣкъ хотя собраніе было не полное, потому что нѣкоторые помѣщики своихъ крестьянъ на вѣче не пустили (1). Копа, собиравшаяся въ 1602-мъ году, состояла изъ полутораста судей копныхъ (2).

Копа собиралась въ центральномъ мѣстѣ сельской общины, которое называлось *коповище* или *копище*, и занималась изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ подъ открытымъ небомъ. Для изслѣдованія дѣлъ уголовныхъ копа собиралась на мѣстѣ преступленія: въ дубравѣ, въ бору, подъ горою. Если нужно было рѣшить споръ о поземельной собственности, то копа собиралась на спорной землѣ;

(1) Книга град. Владимирская 1601-го года, лист. 131—132.
(2) Смотри прилож. V.

— 11 —

а когда въ округѣ общины оказывался трупъ убитаго человѣка, то копа собиралась въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился трупъ или его разрозненные члены.

Вѣдомству копы подлежали всѣ лица простаго сословія, имѣвшія свою осѣдлость въ округѣ сельской общины, именно: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, свободные поселенцы и мѣщане городовъ, не пользовавшихся правомъ магдебургскимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самыхъ помѣщиковъ. Помѣщики имѣли право, по добровольному согласію, представлять копѣ рѣшеніе споровъ, между ними возникавшихъ. Такъ въ 1591 году возникъ споръ между паномъ Малинскимъ и паномъ Вышинскимъ о правѣ собственности на ниву и копань. Вмѣсто того, чтобъ обратиться въ урядъ, помѣщики собрали копу, на которой старцы показали, что на спорной нивѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покралена была рѣпа, и что копа присудила удовлетвореніе пану Малинскому, что въ другой разъ собиралась копа о вокражѣ пшеницы на той же нивѣ, и что вознагражденіе присуждено было тому же пану Малинскому. Въ этомъ основаніи, спорная нива и копань признаны собственностію пана Малинскаго; рѣшеніе было записано въ актовыя книги и получило законную силу (1). Если въ помѣщичьемъ имѣніи, находившемся въ округѣ общины, причинѣнъ былъ вредъ, и если подозрѣніе падало на одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ осѣдлость въ томъ же округѣ, то помѣщикъ, потерпѣвшій вредъ, имѣлъ право собрать копу и просить, чтобъ

1) Книга градская Луцкая 1591 года, листъ 47, на оборотѣ.

свидѣтельствоватъ о производствѣ дѣлъ и судебныхъ рѣшеніяхъ.
Помѣщиии и ихъ. управители могли танже присутствовать копѣ; это случалось тогда, когда они сами приводнли своихъ крестьянъ на вѣче Впрочемь, помѣщики и ихъ управляющіе не участвовали ни въ совѣщаніяхъ копы, ни въ постановленіи судебныхъ приговоровъ. Какъ народному сабранію, такъ и иодсудимымъ, предоставлялось право приглашать вознаго изъ городскаго уряда. Въ такомъ случаѣ возный присутствовалъ на копѣ въ качествѣ свидѣтеля, составлялъ протоколъ и представлімъ свое донесеніе въ урядъ городскій, длн вписанія въ актовыя книги.
Число схоіатаевъ иногда было весьма значительно. Нопа, собиравшаяся въ К>(И-мъ году, заключала въ себѣ около ста человѣкъ хотя еобраніе было не полное, потому что нѣкоторые помѣщики евоихъ крестьянъ на вѣчс не пустили (»). Копа, собиравшаяся въ 1602-мь году, состояла изъ ио лутораста судеіі копныхъ (2). Копа собиралась въ центральномъ мѣстѣ сель ской общины, которое называлось коповище или котще и занималась изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ дѣль подь открытымъ небомъ. Для изслѣдованіи дѣлъ уголовныхъ копа собиралась на мѣстѣ преступленія: въ дубравѣ, вь бору, подъ горою. Если
нужно было рѣшить споръ о поземельной собственности, то копа собиралась на споряой землѣ;

(•) Книга град. Владимірская 1604-го года, лист. 131—132.
(») Смотри прилож. V.

а когда въ округѣ обіцины оказывался трупъ убитаго человѣка, го копа собиралась въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился трупъ или его разрозненные члены.
Вѣдомству копы подлежали всѣ лица нросгаго сословія, имѣвшія свою осѣдлость Въ округѣ сельскои общмны, именно: крестьяне королеискіе, помѣиичьи, монастырскіе и церковные, свободчыс поселепцы п мѣщане городовъ, не пользовавшихся правомъ магдебургскимь. Вь нѣкоторыхт» случаяхъ влаеть копы простиралась и на самыхъ помѣициковъ. Помѣщики имѣли право, по добронольному согласію, представлять коаѣ рѣшеніе сороноь, между ними возвикавшихъ. Такъ въ 15)1 году возникъ споръ мвжду паномь Малинскимъ и паномь Вышинскимъ о правѣ собственности на ниву и копань. Вмѣсто того, чгобъ обрагиться въ vрядъ, помѣіцики собрали копу, на кото;-,ой старцы поиазали, что на спорной нивѣ, вѣсі.олько лѣть тому назадъ, покралена была рѣпа, и что копа прясудила удонлетвореніе пану Малинскому, что въ.,>ругой разь собиралась коиа о вокражѣ шиеііицы на той «ке нивѣ, и что вознагра;нденіе присуждено былч тому же пану Малинскому. 111 этомъ основаніи, спорная нива и копань иризнаіы собственностію iiана Малинскаго; рѣшеиіе было записано вь актовыя і.ниги и получило законную силу '). Если въ '.'омѣщичье.чь имѣніи, находившсмся въ округѣ обіцины, причинент. былъ вредъ, и если иодозрѣніе падало на одного или нѣсколькихъ помѣіциков ь, имѣвшихъ ооѣдлость въ томъ же округѣ, го помѣщикъ, потеріівшій иредъ, имѣлъ право собраті. копу и просигь, чтобъ

она изслѣдовала дѣло и присудила удовлетвореніе за причиненный вредъ. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились предъ собраніемъ и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала свое требованіе, и за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, опредѣляла декретомъ своимъ взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ удовлетвореніе за весь вредъ, причиненный истцу. По окончаніи суда, копа отправляла въ урядъ гродскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло, и объявляли рѣшеніе, для внесенія въ гродскія книги [1]). Копа имѣла право производить слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Если онъ присутствовалъ при этомъ и замѣчалъ, что открываются обстоятельства, уличающія его въ преступленіи, то могъ прервать дѣйствіе копы, и требовать, чтобы дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла предоставлено было уряду гродскому. Такъ на копѣ, производившей въ 1381 году слѣдствіе о убіеніи Жидовъ-мытниковъ Луцкихъ, присутствовалъ панъ Яковъ Шибенскій съ своими крестьянами. Дворовая женщина Таца показала подъ пыткою, что убійство совершено съ вѣдома пана Шибенскаго. Тогда панъ Шибенскій сказалъ: «Слышу, что здѣсь и обо мнѣ плетъ рѣчь; эта подлая женщина и меня вмѣшала въ дѣло. Поэтому я, чтобъ доказать свою невинность, предаю всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіи. суду уряда гродскаго, и самъ являюсь въ

[1]) См. приложеніе V.

урядъ въ назначенный срокъ.« За тѣмъ копа разошлась, прекративъ изслѣдованіе дѣла [1]).

Постоянно возраставшая власть помѣщиковъ, ограничивая общинныя права поселянъ, произвела важное измѣненіе въ составѣ народныхъ собраній. Въ XVII вѣкѣ, мужи-сходатаи начинаютъ терять свое прежнее значеніе, уступая власть своимъ помѣщикамъ. Села околичныя посылаютъ отъ себя только по одному депутату; помѣщикъ или помѣщица съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу, постановляя приговоръ, на основаніи Литовскаго Статута. Крестьяне, присланные околичными селеніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ распоряженіями помѣщика и его пріятелей; судъ общинный перестаетъ называться коннымъ судомъ, и получаетъ названіе сельскаго суда (sąd wieiski) [2]).

Изложивъ устройство общинъ сельскихъ и составъ народныхъ собраній, мы представимъ юридическіе обычаи, которыми руководствовалась копа, при изслѣдованіи и рѣшеніи дѣлъ. Но, чтобъ возстановить эти обычаи во всей ихъ полнотѣ, для этого недостаточны открытые нами акты; въ нихъ заключаются только судебные обычаи, въ примѣненіи къ немногимъ, частію уголовнымъ, частію гражданскимъ дѣламъ. Въ двухъ актахъ изображается судъ о выдраніи пчелъ изъ бортей, [3]) въ одномъ актѣ заключается дѣло о порубкѣ бортнаго дерева

[1]) Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 297—300.
[2]) См. прилож. VI. Также книга гродская Владимірская 1622 года, лист. 480 Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 638.
[3]) Прилож. 1. Книга гродская Владимірская 1601 года, листъ 131.

она изслѣдовала дѣло и присудила удовлетвореніе за причиненныіі врсдъ. Тогда копа поеылала возныхъ итребовала, чтобъ обоиняемые помѣщики вмѣсгѣ съ своими крестьянами, явились предъ собраніемъ и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза иосылала свое трсбованіе, и за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйгааго изслѣдованія, опредѣляла декретомъ своимъ взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и ихъ кресгьянъ удовлетвореніе за весь вредъ, причинсный истцу. По окончаніи суда, копа отправляла въ урядъ гродскій депутнтовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло, и объявляли рѣшеніе, для внесенія въ
гродскія книги !). Копа пм^ла право производшь слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Если онъ присутствовалъ прп этомъ н замѣчалъ, что открываются ооетоятельства, уличающія его вь преступлснш, то могъ прервать дѣйствіе копы, и гребоваіь, чтоы дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла предоставлсно было
уряду гродскому. Такъ на копѣ, производившеи въ 1381 году слѣдтвіе о убіепіи Жндовь-мытниковь Луцкпхъ, нрисутствовалъ панъ Яковъ Шибенскій съ своіпмп крестьянами. Дворовая иіенщина Гаца „оказала подъ пыткою, что убійетво совершепо съ вѣдома паиа Шибенскаго. Тогда панъ Шиоенскій еказалъ:.Слышу, что здѣсь и обо мнѣ пдетъ рѣчь; эта подлая женщина и меня вмѣшала
вь дѣло. Ноэ гому я, чтобь доказать свою невинность, предаю всѣхь, подозрѣваемыхь въ преступленіи. суду vpя.ia гродскаго, н самъ являюсь въ

') См. приложеніе V.

урядъ въ назначенный срокъ.« За тѣмъ копа разошлась, прекратиг^ъ изслѣдованіе дѣла ^).
IIостоянно возраставіпая власть помѣщиковъ, ограничивая общинныя права поселянь, произвела вазіное измѣненіе въ составѣ народныхъ собраній, Iіъ XVII вѣкѣ, муаш-сходатаи начинаюіъ терять свое прежнее значеніе, уступая власть своимъ помѣщикамъ. Села околичныя посылаютъ отъ себя только по одному депутату; помѣщикъ или помѣщица съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ присутствіи свяіенника, производять судь и расправиу,
постановляя приговоръ, на ОСНОВІІНІИ Литовскаго Статута. Крестьяне, нрисланные околпчиыми селеніями, присутствують безмолвно, соглаіаясь сь распоряя«еніями помі>щика и его прінтелей; судъ общиныый пер«'стаетъ иазыватыя коннымъ судомъ, и получаетъ названіе сельскаго судп (sgd wielski) 2).
Изложивъ устройство обіцивъ сельскихъ и составь народныхъ собрапій, мы представимъ юридическіе обычап, которыми руководствовалась копа, при изслѣдованіи и рѣшеніи дѣлъ. Но, чтобъ воз становить эти обычаи во псей ихъ полнотѣ, для этого недостаточны открытые нами акты; въ нихъ заключаются только судебные обычаи, въ примѣненіи къ немногимъ, частію уголовнымъ, частію граяіданскимъ дѣламъ. EV'ъ двухъ актахъ изображается судъ о выдраніи пчелъ изъ бортей,3) въ одномъ актѣ заключается дѣло о порубкѣ боргнаго дерева

---

1) Книга гродская Луцкая 1583 года, лисгь 297—300.
») См. прилож. VI. Также кыига гродская Владимірская 1622 года, лист. 480 Книга гродская Владшірская 1622 года, лист-ь 638.
8) Прилож. 1. Книга гродская Владимірская 1601 года, лисгь 131.

и о похищеніи изъ борти меду [1]), одинъ актъ заключаетъ судъ о покражѣ кола [2]), одно дѣло о подкопѣ [3]), два дѣла объ убійствѣ [4]), одно дѣло о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго человѣка [5]), наконецъ, одинъ актъ изображаетъ рѣшеніе спора, возникшаго между двумя помѣщиками, о правѣ собственности на ниву и копань [6]). На основаніи этихъ актовъ мы разсмотримъ порядокъ изслѣдованія дѣлъ, постановленіе судебныхъ рѣшеній и ихъ исполненіе.

Въ порядкѣ судопроизводства кона слѣдовала своимъ древнимъ обычаямъ: »водле стародавное звыклости, водлугъ давнаго звычаю, водлугъ стародавнаго звычаю;«[7]). Совокупность народныхъ юридическихъ обычаевъ называется *конным* правомъ; судъ, производившійся на основаніи этихъ обычаевъ, называется *конным судомъ*. Сходатаи говорили: »звычай права нашого конного«, противуполагая это право посполитому праву, подъ которымъ они разумѣли писанные законы, изложенные въ Статутѣ Литовскомъ. Нѣкоторые обычаи конного права вошли въ составъ Статута и такимъ образомъ получили силу писаннаго закона. О такихъ обычаяхъ сходатаи говорили: »конный звычай, въ правѣ посполитомъ описанный [8]).

[1]) Прилож. V. [2]) Прилож. II. [3]) Прилож. III.

[4]) Книга гродская Луцкая 1583-го года, лист. 255—259, лист. 274; лист. 274 на обор. по 277; листъ 297—300; лист. 331-й на обор. Книга справъ іюточныхъ Луцкихъ 1590 года, лист. 942.

[5]) Прилож. IV. [6]) Книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47 на оборотѣ.

[7]) Смотр. прилож. III: книга гродская Луцкая 1591 года, 47 на оборотѣ; книга град. Владимірская 1601 года, лист. 131.

[8]) Книга гродская Луцкая 1569 года лист. 237-й. Здѣсь помѣщено слѣдствіе и судъ о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго человѣка. Обычай, въ этомъ случаѣ наблюдавшійся, внесенъ въ Статутъ и составилъ арт. 31, разд. 11.

Если преступленіемъ нарушены были права частнаго лица, то, по началамъ копнаго права, обиженному самому предоставлялось отыскивать своего *шкодника*. Истецъ распрашивалъ людей, собиралъ письменныя доказательства, отыскивалъ улики. Такое предварительное изслѣдованіе дѣла называлось *обыскомъ*. Если истецъ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ отыскать своего шкодника, и если онъ подозрѣвалъ, что преступникъ находится въ округѣ сельской общины, то онъ имѣлъ право требовать, чтобъ собрана была копа. Для этого онъ обращался къ помѣщикамъ, которые, по просьбѣ истца, высылали своихъ крестьянъ на вѣче. Истецъ могъ также обратиться въ урядъ гродскій, который давалъ ему урядовый листъ ко всѣмъ околичнымъ селеніямъ, составлявшимъ общину, приказывая собраться на копу (идти на копу, илти до права), въ опредѣленное время и въ назначенномъ мѣстѣ. Такіе же листы урядъ разсылалъ отъ себя по всѣмъ околичнымъ селеніямъ [1]). Крестьянинъ помѣщичій, желавшій предложить дѣло на рѣшеніе копнаго суда, обращался къ своему помѣщику, который оповѣщалъ околичныя селенія, назначая мѣсто и время собранію.

Всѣ селенія, составлявшія общину, обязаны были собраться на копу, въ назначенный срокъ. Если какое нибудь селеніе не являлось въ собраніе, то копа забирала депутатовъ, которые имѣстѣ съ воз-

мѣщено слѣдствіе и судъ о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго человѣка. Обычай, въ этомъ случаѣ наблюдавшійся, внесенъ въ Статутъ и составилъ арт. 31, разд. 11.

[1]) Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 255.

о похищеніи и.гь борти іиеду одинь актъ ;»акдючаетъ еудъ о покражѣ пола 2), одно дѣло о под;і;огѣ3), дна дѣла объ убійствѣ4), одн » дѣло о найденномъ въ округѣ оощинм трупѣ неиянѣетнаго человѣка б), наконецъ, одинъ акгъ иаображае гь рѣшеніс епора, воаникшаго мсжду двумя помѣщиками, о правѣ собсгвенноети на ниву и копань 6). Ііа основаніи этихъ актовъ мы р»зсмотримъ порядокъ иэелѣдованія дѣлъ, постаноіменіе судебныкь рѣшешеііі и ихъ пеполненіе.

Въ порядкѣ судопроизводетка кона слѣдовала своимъ древнимъ обычаямъ: »водле стародавное звыклости, во.мугъ давнаго звычаю, водлугъ стародавнаго звычаю;«7). Совокупность народныхъ юридическихт» обычаевъ называется копнымъ прлвомъ; судъ, производившійся на основаніи этихъ обычаевъ, называется тпнымъ судомъ. Сходатаи говорили: »звычай права нашого копнзго«, противуполагая это право посполитому праву, гіодъ которымъ они разумѣли писанныс законм, изложснные въ Стагутѣ Литовскомъ. Нѣкоторые обычаи копнаго права вошли въ составъ Статута и такимь образомъ получили силу писаннаго закона. О такихъ обычаяхъ сходотаи говорили: »копныn знычай, въ прап» посполитомъ описанныn 8).

') Прилоя;. V. ') Прилож. II. ») Прилож. III.

«) Кішга гродская Луцкая 1583-го года, лист. 255—259, лист. 274; лист. 274iia обор. по 277; листъ 297—300; лист. 331-й на обор. Кшіга справъ иоточпыхъ Луцкяхъ 1590 года, лист. 942.

6) Іірилож. IV'. в; Кшіга гЈшдская Луцкая 1591 года, листъ 47 на оборотѣ.

') Смотр. нрилож. III: кішга гродская Луцкая 1591 года, 4-7 на оОоротѣ; кнпгп град. Владнмірская 1601 года, лнст. 131.

8) Киига гродская Луцкая 1569 года лист. 237-й. Здѣсь помѣщено слѣдстиіе и судъ о наіідсшіомъ ігь округѣ обіцины трупѣ нензвѣстнаго чсловѣка. Обычай, въ этомъ случаі; наблюдавшійся, внесенъ въ Статутъ и составилъ арт. 31, разд. 11.

Бсли преступленіемъ нарушснм были прана часгнаго лица, го, по начлламт. копнаго права, обиженному еамому предоставлялось отыскивагь своего шкодпта. Истецъ распрашиваль людей, собчралъ письменныя доказатсльства, отыскиваль улики. Такое предііаритсльиое изслѣдованіе дѣла назыиалось обыскомъ• Если исгець, при всемь евоемъ стараніи, не могъ отыскать своего шкодника, и еслп онъ подозрѣва.гь, что проитупникъ находится вь округѣ сельской общины, то оны имѣль право требовать, чгобъ собрана была копа. Для этого онъ обращался къ помѣщикамъ, которые, по просьбѣ иетца, высылали своихъ крестьянъ на вѣче. Истецъ могъ также обратиться вь урядъ гродскій, который давалъ ему урядовый листъ ко всѣмъ околичнымъ селеніямъ, составлявшимъ общину, приказывая собраться на копу (идти на копу, илтн до права), въ опредѣленное время и въ назначенномъ мѣстѣ. Такіе же листы урядъ разсылалъ отъ себя по всѣмъ околичнымъ ссленіямъ Крестьянинъ номѣщичій, желавшій предложить дѣло на рѣшеніс копнаго суда, обраіцалсл къ евоему помѣщику, которын оповѣщалъ околичныя селенія, назначая мѣсто и время собранію.

Всѣ селенія, составлявшія общину, обязаны были собраться на копу, вь назначенный срокъ. Если какое нибудь селеніе не являлось въ собраніе, то кона :ззбирала депутато.vь, когорые вмѣстѣ съ

') Книга гродская Луцкая 1583 года, лнстъ 255.

нымъ, отправлялись въ не явившееся селеніе и звали сходотаевъ на копу. Когда сходатаи идти не хотѣли, то депутаты возвращались и объявляли объ этомъ копѣ. Тогда копа, слѣдуя стародавнему обычаю, постановляла приговоръ, что селенія, не явившіяся на вѣче, за ихъ упорство въ непослушаніи, должны удовлетворить истца за весь причиненный ему вредъ, а себѣ искать виноватаго. Правило, на которомъ копа основывала такой приговоръ, выражалось словами: »невыходъ платитъ шкоду«[1]).

Когда всѣ околичныя селенія, составлявшія общину, были собраны на копѣ, то истецъ имѣлъ право сдѣлать имъ перекличку, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли сходатаи находятся на лицо; за тѣмъ онъ словесно излагалъ свою жалобу и произведенный имъ обыскъ, прося сходотаевъ изслѣдовать дѣло и постановить приговоръ, на основаніи права. Жалобу истца копа должна была слушать безмолвно, не прерывая рѣчей.

По выслушаніи жалобы, копа обязана была разъяснить всѣ обстоятельства преступленія и открыть виновнаго. Для достиженія этой цѣли, употреблялись два способа: во первыхъ, распросъ на копѣ сходотаевъ и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу; во вторыхъ, изслѣдованіе *знаковъ*, то есть уликъ, доказывающихъ преступленіе; первый способъ называется *опытъ* (чинить опытъ, выслухать опытъ), второй способъ называется *ликъ* (копа ликомъ доходитъ шкодника, копа выходитъ на ликъ о шкоды).

Право производить о ыгъ принадлежало истцу.

---

[1]) См. прилож. III.

Сходатаи, тотчасъ по выслушаніи жалобы, начинали совѣщаніе, переговариваясь между собою. Если при этомъ совѣщаніи какой нибудь сходатай проговаривался, или открыто объявлялъ, что знаетъ преступника, или имѣетъ на кого нибудь подозрѣніе; то истецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать это объявленіе копою (освѣтчать копою), и тогда копа требовала, чтобы проговорившійся сходатай объявилъ имя преступника и все, что ему извѣстно о преступленіи. Если онъ отказывался исполнить это требованіе, то долженъ былъ удовлетворить истца, по приговору копнаго суда; но, удовлетворивъ истца, онъ пріобрѣталъ право отыскивать преступника, требовать отъ него удовлетворенія, или предать его суду.

Когда сходатаи, окончивъ переговоры, объявляли, что имъ ничего неизвѣстно ни о преступленіи, ни о преступникѣ, тогда истецъ объявлялъ, на кого онъ имѣетъ подозрѣніе, и подтверждалъ свои слова доказательствами. Подозрѣніе могло быть двоякаго рода: во первыхъ, истецъ могъ объявить, кого именно онъ считаетъ преступникомъ (кому даетъ вину); во вторыхъ, онъ могъ изъявить подозрѣніе, что кто нибудь изъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, знаетъ, кѣмъ совершено преступленіе, но не хочетъ выдать преступника. Обвиняемый, противъ доказательствъ истца, долженъ былъ дать *выводъ*, то есть, очистить себя отъ подозрѣнія, опровергнувъ доводы истца, или представивъ доказательства своей невинности. Если отвѣты обвиняемаго копа находила удовлетворительными, то освобождали его отъ подозрѣнія; но если истецъ не соглашался съ мнѣніемъ копы, то могъ требовать,

---

возынмъ, отправлялись въ не явившееся селеніс и звали сходотаевъ на копу. Когда сходатаи идти не хотѣли, то депутаты возвращались и объявляли объ отомъ копѣ. Тогда копа, слѣдуя стародавнему обычаго, постановляла прии оворь, что селснія, не явивііяся па вѣче, за ихъ упорство въ непослушаніи,

долашы удовлетворить истца за весь причиненпыіі сму вредъ, а себѣ искать внноватаго. Іправило, на которомъ кона основывала таьой приговоръ, выражалось словами: »иевыходь платитъ шкоду»1).

Когда всѣ околичныя селенія, составлявшія общину, были собраны на копѣ, то исгецъ имѣлъ нраво сдѣлать имъ перекличку, чтобъ удостов!;риться, всѣ ли сходатаи находятея на лицо; за тѣмъ онъ словесно излагалъ свою жалобу и произведенпыи имъ обыскъ, прося сходотаевъ изслі.довать дѣло и постановпть приговоръ, на основаніи права. Жалобу истца копа долаша была слушать безмолвно, пе прерывая рѣчеи.

По выслушапіи жалобы, копа обязана была разъяснить всѣ об тоятельсгва преступленія и открыть в іновнаго. Для достижепія этой цѣли, употреблялись два способа: во первыхъ, распрось на копѣ сходотаевъ и другихъ лицъ, прикосновенныхъ кт. дѣлу; во вторыхъ, изслѣдованіе знаковъ, то есть уликъ, доказывающихъ преступленіе; первый способъ называется опытъ (чинить опытъ, выслухать (пыть), второи сиособ:. называется лшъ (копа лиі >мъ доходи гъ шкодиика, копа выходитъ на ликъ о шкоды).

Право производигь о ыгь прнадлсжало истцу.

---

1) См. Прилож. 111.

Сходатли, тотчасъ по выслушаніи я«алобы, начинали совѣіцаніе, переговариваясь между собою. Если при этомт» совѣщаніи какой нибудь сходатай проговаривался, или открыто объявлялъ, что знаетъ преступника, или имѣетъ на кого нибудь подозрѣніе; то истецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать это объявленіе копою (освѣтчать копою), и гогда копа гребовала, чтобы проговорившійся сходатай объявилъ имя преступника и все, что ему извѣсгно о нреступлеиіи. Если онъ отказывался исполнить это требованіе, то долженъ былъ удовлетворить истца, по приговору копнаго суда; но, удовлетворивъ ист

ца, овъ пріобрѣталь право отыскивать преступника, гребовать отъ него удовлегворенія, или предать его суду.

Когда сходатаи, окончивъ переговоры, объявлялИ, что имъ ничего неизвѣстно ни о прсгуплеии, ни о преступникТ., тогда истецъ обьявлялъ, на кого ов'*. имѣегъ подозрѣніе, и подтверждалъ свои слова '^доказательствами. Іподозрѣніе могло быть двоякаго рода: во первыхъ, истецъ могъ объпвить, кого именно онъ счигаетъ прсгупникомъ (кому даетъ вину); во вторыхъ, опъ могъ изъявить подозрѣніе, что кто нибудь изъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, знаетъ, кѣмь совершено преступленіе, но не хочетъ ыидать иреетупника. Обвиняемый, противъ доказательс і в'і. истца, долженъ быль дать выводъ, то есть, очистить себя огъ нод зрѣнія, опровергнувъ доводы истца, ил і представивъ доказательства своей невинности. Если отвѣты обвиняемаго копа находила удовлівгворительными, то освобоаідали сго отъ подозрѣнія; но если истецъ не соглашался съ мнѣніемъ копы, то мог. Требовать,

чтобъ обвиняемый былъ подвергнутъ пыткѣ, и копа исполняла требованіе истца. Но если допрашиваемый былъ человѣкъ добрый, вѣры годный и неподозрительный, то истецъ могъ подвергнуть его пыткѣ только тогда, когда подтверждалъ свое подозрѣніе присягою. Если бы истецъ ничего не домучился, и подозрѣніе его осталось не доказаннымъ, то онъ обязанъ былъ заплатить обвиняемому за муку, по приговору копнаго суда. Пытка производилась въ присутствіи копы; допрашиваемаго сѣкли прутьями и жгли огнемъ.

Истецъ могъ три раза собирать копу, если распросъ сходатаевъ и изслѣдованіе судебныхъ доказательствъ того требовали. Послѣ перваго копнаго собранія, истецъ, до окончанія суда, отдавалъ помѣщику на поруки, въ опредѣленной суммѣ денегъ, всѣхъ крестьянъ того села, съ которое падало подозрѣніе. Помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне этого селенія, уклонцдясь отъ отвѣтственности, не разошлись въ разбродъ. Между каждою сходкою назначалось три дня промежутка; въ теченіи этого времени, истецъ продолжалъ розысканіе, для пополненія своихъ доказательствъ, а сходатаи обязаны были собирать свѣдѣнія, допрашивая сыновей и слугъ своихъ.

Если копа, на всѣхъ трехъ сходкахъ, объявляла, что она ничего не знаетъ и не вѣдаетъ ни о преступленіи, ни о преступникѣ, и если истецъ, съ своей стороны, ни на кого не могъ объявить подозрѣнія, то ему предоставлялось выбрать по произволу, по нѣсколько мужей изъ всѣхъ селеній, присутствовавшихъ на копѣ, и требовать присяги въ томъ, что они ничего не знаютъ о преступле-

нія и преступника невѣдаютъ. Послѣ третьей сходки, на другой день, копа собиралась снова, и сходатаи, избранные истцомъ, приводились къ присягѣ; впрочемъ, истцу предоставлялось требовать присяги только отъ одного изъ нихъ, и если онъ отказывался, то, по приговору копы, долженъ былъ удовлетворить истца.

Сверхъ распроса сходатаевъ, средствомъ къ открытію преступника служили улики, называемыя въ актахъ копнаго суда *знаками*. Къ такимъ знакамъ преимущественно относились слѣды, оставленные преступникомъ на дорогѣ, по которой онъ уходилъ, совершивъ преступленіе; также трупъ убитаго и разрозненные его члены. Если уликой были слѣды, оставленные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу сходатаевъ всѣхъ селеній, составлявшихъ общину, и пригласивъ людей сторонніхъ, *гналъ слѣдъ*. Копа, *взявъ слѣдъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе, входившее въ составъ общины, обязано было отвѣсти слѣдъ отъ своихъ земель. Если бы какое нибудь селеніе на копу не явилось, а между тѣмъ слѣдъ доведенъ былъ до земли, ему принадлежавшей, то копа, остановившись на слѣду вызывала сходатаевъ, требуя, чтобъ они вышли, *взяли слѣдъ* отъ копы и отнели его отъ своей земли къ чужой границѣ, по стародавнему обычаю. Если никто не являлся на зовъ, то копа ночевала на слѣду и, на другой день, во второй и третій разъ, вызывала жителей селенія. Если и послѣ третьяго зова никто не являлся, то копа, оставаясь на томъ же слѣду, присуждала все селеніе, неявившееся на слѣдъ, къ удовлетворенію истца за причиненный

чтобъ обвиняеммй былъ подвергнутъ пыткѣ, н копа иеполняла требованіе иетца. Ilo еслн доирашиваемый былъ человѣкъ добрый, вѣры годный и неподозрии ельный, то истецъ могъ подвергнуть его пыткѣ только тогда, когда подтверждалъ свое подозрѣніе присягою. Если бы истецъ ничего не домучился, и подозрѣніе его осталось не доказаннымъ, то онъ обязанъ былъ заплатить обвиняемому за муку, по приговору копнаго суда. Пытка производилась въ прису гствіи копы; допрашиваемаго сѣкли прутьями и жгло огнемъ.

Истецъ могъ три раза собирать копу, еслираспросъ сходатаевъ и изслѣдованіе судебныхъ доказательствъ того требовали. Послѣ пернаго копнаго собранія, исгецъ, до окончанія суда, отдавалъ помѣщику на поруки, въ опредѣленной суммѣ денегь, всѣхъ крестьянъ того села, іа которое падало нодозрѣніе. Помѣщикь обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне этого селенія, уклонцдев отъ отвѣтственности, не разошлись въ разбродъ..Meavдy ка;кдою сходкою назначалось три дня промежутка; вь теченіи этого нремени, истецъ продолжалъ розысканіе, для пополненія св >ихъ доказательствъ, а сходагаи обязаны бы ш собирагь свѣдѣнія, допрашивая сыновей и елугь своихъ.

Если копа, на всѣхъ тр: хъ сходьахъ, объявляла, что она ничего не знаетъ и не вѣдаеті. ни о прсступленіи, ни о нреступникѣ, и если истецъ, сь своей стороны, ни на кого не могь объявигь подозрѣнія, то ему предостав.іялось выбрагь по произволу, ио нѣсколько мужей изъ всѣхъ селеній, присутствовавшихъ па копѣ, и требовать присяги вь томъ, что они ничего не знаютъ о преступдсніи

и прес гупника невѣдатотъ. Послѣ третьсй сходки, на другой дет», кои» собиралась снова, и сходагаи, избранные истцом і», ириводились къ присягѣ; впрочемъ, исгцу предоставлялось гребовать прieяги голько отъ одного изъ них7>, и если онъ отказывался, то, по приговору копы, долженъ былъ удовлетворить истца.

Сверхъ распроса сходагаевъ, средствош» къ огкрытію преступника служили улики, называемыя въ актахъ копнаго суда *знаками*. Къ гакимъ знакамъ нреимущественно относились слѣды, оставлен ные преступникомъ на дорогѣ, по которой онъ ухс<дилъ, совврівпивъ преступленге; также трупъ убитаго и разрознснные его ч іены. Если уликой были елѣды, оставлснные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу еходатвевъ всѣхъ селеній, состаЙЛЯВШИХЪ общмву, и пригласивъ людей сторонніхъ, *гналъ слѣдъ*. Копа, *взявъ слѣдъ* въ гоиъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе., входившсе въ состаіп» общины, обязано было отвѣсти СЛІІДЪ отъ своихъ земель. Если бы какос нибудь селеніе на копу не явилось, а между тѣмъ слѣдъ доведенъ былъ до земли, ему принадлеяіапшен, то і;онв, остановившись на слѣду вызывала сходатасвъ, требуя, чтобъ они вышли, *взяли слѣдъ* отъ копы и отнели его отъ своей земли къ чужой границѣ, по стародаивему обычаю. Если никто не являлся на зовъ, то і.она ночевала на слѣду и, на другой день, но вгорой и третій разъ, вызывала жителей селенія. Если и послѣ третьяго зова никто не являлся, то копа, оставаясь на томъ жс слѣду, присуждала всс селеніе, неявившееся на СЛІІД !., кь удовле гвореыіio иутца за причиненный

преступникомъ вредъ и за всѣ убытки. Жители этого селенія, удовлетворивъ истца, получали право отыскивать преступника.

Если въ округѣ общины находили трупъ неизвѣстнаго убитаго человѣка, и если никто не являлся съ жалобою на убійство, то помѣщикъ или его управляющій, принявъ мѣры къ сохраненію трупа, созывалъ сходатаевъ околичныхъ селеній для расспроса, который производился надъ трупомъ убитаго Сначала распрашиваемы были крестьяне того селенія, на земляхъ котораго найденъ былъ трупъ. За тѣмъ, помѣщикъ, или его урядникъ, три раза спрашивалъ сходатаевъ, не извѣстно ли кому нибудь изъ нихъ, кто былъ убитый, и кѣмъ совершено убійство? Если сходатаи объявляли, что незнаютъ ни убитаго ни убійцы, то каждый изъ нихъ долженъ былъ присягнуть въ томъ, что онъ убитаго не знаетъ, преступника не вѣдаетъ, и что никто изъ его общины не совершалъ убійства. За тѣмъ копа погребала трупъ, составлялся актъ копнаго слѣдствія и вносился въ актовыя книги.

Если истецъ, производя обыскъ, отыскивалъ своего шкодника въ какомъ нибудь селеніи, то обращался къ сельской громадѣ, которая, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ представленныя имъ доказательства, обязана была выдать преступника. Истецъ могъ помириться съ своимъ шкодникомъ, получивъ отъ него удовлетвореніе, по добровольному согласію, или могъ препроводить его на мѣсто преступленія и предать копному суду. Если преступникъ подлежалъ смертной казни за совершенное преступленіе, то истецъ долженъ былъ приглашать палача. Копа выслушавъ жалобу истца и раз-

смотрѣвъ его доказательства, допрашивала обвиняемаго, а если недовольствовалась добровольнымъ показаніемъ, то подвергали его пыткѣ. По окончаніи слѣдствія, копа постановляла приговоръ и, если обвиняемый за свое преступленіе подлежалъ смертной казни, то онъ тотчасъ предавался въ руки палача.

Предъ совершеніемъ казни, каждый изъ присутствовавшихъ въ народномъ собраніи могъ требовать, чтобъ осужденный преступникъ былъ подвергнутъ пыткѣ, для удостовѣренія, не совершилъ ли онъ еще какихъ преступленій; особенно предсмертная пытка считалась необходимою, если въ округѣ общины преступленія были часты. Пыткѣ подвергался преступникъ также и тогда, когда онъ оговаривалъ кого нибудь въ преступленіи; но оговоръ только тогда имѣлъ важность, когда осужденный подтверждалъ свои слова предъ самымъ совершеніемъ казни, стоя на ступеняхъ лѣсницы, приставленной къ внѣлицѣ (на послѣднемъ стопню у шибеницы на дробинѣ). За тѣмъ палачь совершалъ казнь, въ присутствіи народнаго собранія.

Приговоръ копнаго суда называется *выналязокъ*[1]), *знайденье конное, усказанье* или *всказанье конное*[2]). Въ позднѣйшихъ актахъ употребляется слово *декретъ, декретъ копный*[3]). Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ, составлявшихъ народное собраніе (копа сказала, или всказала, копа за-

[1]) Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.

[2]) См. прилож. I. [3]) Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ. Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 480-й.

преступникомъ вредъ и за всѣ убытки. Жители этого селенін, удовлетворивъ истца, получали право отыскивать преступника.

Если въ округѣ общины находили трупъ неизвѣсгнаго убитаго человѣка, и если никто не являлсн съ жалобою на убійство, то помѣщвкъ или его управлнющій, принявъ мѣры къ сохраненію трупа, созывалъ сходатаевъ околичныхъ селеній для рас

проса, когорый производился надъ трупомъ убитаго Сначала распрашиваемы были крестьяне того селенія, на земляхъ котораго найденъ былъ трупъ. За тѣмъ, помѣщикъ, или его урядникъ, три раза спрашивалъ сходатаевъ, не извѣстно ли кому нибудь изъ нихъ, кто былъ убитый, и кѣмъ совершено убійство? Если сходатаи объявляли, что незнаютъ ни убитаго ни убійцы, то каждый изъ нихъ долженъ быль нрисягнуть въ томъ, что онъ убитзго не знаетъ, нресгупника не вѣдаетъ, и что никто изъ его общины не совершалъ убійства. За тѣмъ

копа погребала трупъ, составлялся актъ копнаго слѣдствія и вносился въ актовыя книги. г)і.

Если истецъ, производя обыскъ, отыскивалъ сноего шкодника въ какомъ нибудь селеніи, то обращался къ сельской громадѣ, которая, выслушавь жалобу истца и разсмотрѣвъ представленныя имъ доказательства, обязана была выдать преступника. Истецъ могъ помириться съ своимъ шкодникомъ, получивъ отъ него удовлетвореніе, по добровольному согласію, или могъ препроводить его на мѣсто преступленія и предать копному суду. Если пре

ступникъ подлежалъ смертной казни за совсршенное преступлсніе, то истецъ долженъ былъ приглашать палача. Копа выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ

его доказательства, допрашивала обвиняемаго, а если недовольствовалась добровольнымъ показаніемъ, то поднергали его пыткѣ. По окончаніи слѣдствія, копа постановляла приговоръ и, если обвиняемый за свое престуиленіе подлежалъ смертной казни, го онъ тотчаеъ предавался въ руки палача.

•редъ совершеніемъ казни, каждый изъ присутствовавшихъ въ народномъ собраніи могъ требовать, чтобъ осужденный преступникъ былъ подвергнутъ пыткѣ, для удостовѣренія, не совершилъ ли онъ еще какихъ преступленій; особенно предсмертная пытка считалась необходимою, если въ округѣ общины преступленія были часты. Пыткѣ подв<-ргался преступникъ гакже и тогда, когда онъ оговаривалъ кого нибудь въ нреступленіи; но ого

воръ только тогда имѣлъ важность, когда осужденный подгверждалъ свои слова предъ самымъ совершеніемъ казни, стоя на ступеняхъ лѣсницы, приставленной къ внсѣлицѣ (на послѣднемъ сгопню у шибеницы па дробинѣ). За тѣмъ палачь совершаль казнь, въ прпсутствіи народнаго собранія.

Іириговоръ копнаго суда называегся выналязокъ1), знайденье конное, усказанье нли всказанъе коппое 2). Въ ПОЗДНІІЙІПИХЬ актахъ употребляется слово декретъ, декретъ копный^). Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ, составлявшихъ народное собраніе (коГіа сказала, или всказала, копа

') Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.

,) См. прилож. I. ') Книга іродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ. Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 480-й.

бороняла). Неизвѣстно, какъ поступала копа въ случаѣ разногласія, возникшаго между сходатаями при рѣшеніи дѣлъ; такой случай не встрѣчается въ открытыхъ нами актахъ.

Въ юридическихъ обычаяхъ югозападно Россіи, какъ вообще въ древнихъ славянскихъ и германскихъ законодательствахъ, начало частнаго права было преобладающимъ, не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ. Лицо, котораго право было нарушено преступленіемъ, могло предать виновнаго всей строгости законовъ, или окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; въ послѣднемъ случаѣ, преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія. Особенно уважалось прощеніе, которое давалъ смертельно раненный своему убійцѣ; преступникъ освобождался отъ всякаго суда и не платилъ головщины родственникамъ убитаго. Даже и въ томъ случаѣ, когда преступникъ былъ приговоренъ и къ смертной казни, онъ могъ *поединяться*, то есть, помириться съ истцомъ и освободиться отъ наказанія [1]). Если дѣло не оканчивалось добровольнымъ соглашеніемъ, то копа постановляла приговоръ на основаніи Статута Литовскаго [2]).

Постановивъ приговоръ, копа принимала мѣры къ его исполненію. Если преступникъ приговоренъ былъ къ смертной казни, то приговоръ немедленно

[1]) Такъ въ селѣ Подгайцахъ коца осудила на смертную казнь, за убіеніе тіуна, отъявленныхъ разбойниковъ, крестьянина Гушу и его сыновей, но осужденные поеднались и освобождены были отъ наказанія. Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.

[2]) Книга гродская Владимірская 1622 года, листы 480 и 638-й, приложеніе VI.

исполнялся въ присутствіи копы, на мѣстѣ суда. Если копа присуждала къ денежному взысканію, помѣщичьяго крестьянина и если онъ платить отказывался, то всѣ сходатаи отправлялись къ помѣщику и требовали, чтобъ онъ приказалъ своему крестьянину исполнить приговоръ копнаго суда [1]). Право собственности на бортное дерево въ общемъ лѣсу обозначалось на самомъ деревѣ клеймомъ владѣльца. Если кто жаловался объ уничтоженіи клейма и о незаконномъ завладѣніи бортнымъ деревомъ, то копа отправлялась въ лѣсъ и, постановивъ приговоръ, возобновляла клеймо истца, уничтоживъ клеймо незаконнаго владѣльца [2]). Во всѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ отказывался исполнить приговоръ копнаго суда, сходатаи, приглашали вознаго, излагали ему дѣло и вмѣстѣ съ нимъ отправляли отъ себя посланцовъ въ урядъ гродскій, прося записать приговоръ въ актовыя книги.

Сельская община югозападной Россіи, съ ея юридическими обычаями и самостоятельнымъ составомъ копныхъ судовъ, имѣетъ признаки глубокой древности. О началѣ и происхожденіи этого установленія мы не находимъ никакихъ свѣдѣній, ни въ лѣтописяхъ, ни въ письменныхъ законодательныхъ памятникахъ. Съ большою вѣроятностію можно предполагать, что сельскія общины возникли въ то время, когда славянскія племена, населявшія нынѣшнюю югозападную Россію, еще не были соединены государственнымъ союзомъ, подъ верховною властію государей. Это предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ доказательствахъ: древніе князья русскіе, какъ великіе, такъ и удѣльные,

[1]) См. прилож. II. [2]) См. прилож. V.

забороня-іа). Неизпѣ«тно, какі. поетупала копа иі. случаѣ разногласія, пояниканшаго между сходагаями нри рѣшеніи дѣлъ; такоіи случай пе нетрѣчается въ открытыіх нами актахъ.

Въ юри.іическихъ обычаяхъ югозападно • Россіи, какъ вообще въ дреннихъ сланянскихъ и германскихъ законодательстнах-і., начало частнаго права было преобладаюшимъ, не только въ дѣлахъ граяіданскихъ, но и уголовныхъ. Лицо, котораго право было нарушено преступленіемъ, могло иредать виновнаго всей строгости законовъ, или окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; вь послѣднемъ случі»ѣ, нреступникь освобогкдался отъ всякаго наказанія. Особенно уважалось прощеніе, которое давалъ смертельно раненныіі своему убійцѣ; пресгупникъ оепобождался отъ веякаго еуда и не платилъ головщины родствениикамъ vбитаго. Даи»е

и въ томъ случаѣ, когда пр сгупникъ былъ пригоноренъ и къ смергнон казни, онъ могъ поедниться, то есть, помириться ея исгцомъ и освободитьея оть наказанія '). Если дѣло нс окаичивалось добровольнымъ соглашеніемъ, то копа постановляла приговоръ на осноаніи Статута Литовскаго 2).

Посганавиві. приговоръ, копа принимала мѣры кь его исполненію. Если нреетупникь нриговоренъ былъ кь емергной казни, то приговоръ немедленно

---

1) Гакъ ьь селѣ Подгайцахъ коиа осудила на сиертную казнь, за лбіеніе тіуни, отышенныхъ разбойниковъ; крестьянина Гушу и его сыновей, но осужденные ноеднались и освобождены были отъ наказанія. Книга гродская Луикал Іа8){ года. листъ 274-й.

•») Книга гродокая В.гадимірская І б З і г о д а,.іисты і » 0 н ()38-й, приложеніе VI.

исполнялся вь присутствіи копы, на мѣсгѣ суда, Если кона присуждала къ дене;кному взысканію, поиѣіцичьнго і;рестьіінина и если онъ плагить отказывался, то всѣ сходагаіі отправлялись къ номѣщику и гребовали, чтобъ оны приказалъ своему крестьян іну исполнить приговоръ копнаго суда1). Право еобственности на боргное дерево въ общемъ лѣсу обозначалось на самомъ деревѣ клеймомъ вла дѣльца. Есла кто жаловался обь уиичтоженіи клсйма и о незаконномъ завладѣніи бортнымъ дерев.імь, то коііа ог іравлялась нъ лѣсъ и, постановивь приговоръ, возобновлала клеймо истца, уничтоживь клеймо незакопнаго владѣльца а). Во всѣхъ елучаяхь, когда отвѣтчикь отказывался исполннть прнговоръ і.опнаг.) суда, сходатаи, приглашали вознаго, излагали ему дѣло и вмѣстѣ съ нимь отправляли отъ сі;бя посланцонъ вь урядь гродсі.ій, прося записать приговоръ въ актовыя книгп.

Сельская обіцина югозападной Россіи, еъ ея юридическими обычаями и самос гоятельнымъ соет.іііомъ копныхъ судовь, имѣетъ нрнзнаки глубокой древносги. О началѣ " происхождепіи этого установлінія мы не находимь никакихъ свѣдѣній, ни вь лѣтописяхъ, ни вь пнсьменныхъ законодательныхъ памятникахь. Съ болыпою вѣроятностію можно нреднолагаіь, чго сельекія общины возниклн

нъ то время, когда славянскія племена, населявшія ныиѣшніюю юі о іападн.мо Росеію, еще не были соединены государственнымъ союзомь, подь верховкою власгію госздарел. Это пр;дположеніе мы оеновываемь на с.гВдуюіцин·.. доказательствахъ: древніе квязья русскіе, какь великіе, гакь н удѣльные,

---

1) См. нрилож. II. і) См. нрилож. V.

не могли быть основателями сельскихъ общинъ. Въ первый періодъ образованія русскаго государства, городскія общины существовали въ югозападной Россіи, во всей ихъ силѣ, выражая свою власть посредствомъ народныхъ собраній, которыя назывались вѣчами. Демократическое начало, на которомъ основаны были эти народныя собранія было совершенно противуположно политикѣ великихъ князей русскихъ, стремившихся къ самодержавію; но этому древняя исторія Россіи представляетъ продолжительную и упорную борьбу верховной власти князей съ могущественными городскими общинами. Нельзя предполагать, чтобы князья Русскіе, истребляя городскія общины огнемъ и мечемъ, въ тоже время основывали сельскія общины, тѣмъ болѣе что города, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые возникали не по распоряженію правительства, но по естественнымъ экономическимъ законамъ, въ слѣдствіе увеличенія народонаселенія и развитія промышленности, возникали изъ сельскихъ общинъ и почерпали изъ нихъ свои жизненныя силы.

Древнихъ польскихъ королей нельзя также считать основателями сельскихъ общинъ, въ югозападной Россіи. Они, также какъ и русскіе князья стремились къ самодержавію, и поэтому старались ослабить общинное начало у всѣхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королевства. Этой цѣли короли польскіе достигали преимущественно распространеніемъ нѣмецкаго права въ земляхъ имъ подвластныхъ, и усиленіемъ власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Нѣмецкое право, проникавшее въ Польшу со временъ Болеслава 1-го (992—1025), основывалось на избирательномъ началѣ;

вмѣсто народнаго собранія или вѣча являлся войтъ съ лавниками и ратманами. Эти лица имѣли административную и судебную власть; народныя собранія подъ открытымъ небомъ замѣнялись засѣданіями въ магистратахъ и ратушахъ, народные юридическіе обычаи уступали мѣсто нѣмецкому праву, общины или совершенно исчезли или слабѣли, теряя свое древнее юридическое значеніе.

Въ Статутѣ Литовскомъ, въ первый разъ находимъ ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о существованіи сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи, объ ихъ древнемъ обычномъ правѣ и народныхъ собраніяхъ [1]). Во всѣхъ трехъ редакціяхъ Статута, сельская община является не новымъ, но стародавнимъ установленіемъ; народное сельское собраніе, или копа, производитъ судъ и расправу по стародавнимъ обычаямъ.

Статутъ Литовскій 1529 года, въ первый разъ предоставилъ народнымъ сельскимъ собраніямъ законную, обязательную силу. Копа собирается, производитъ слѣдствіе и судъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, Въ случаѣ вреда, причиненнаго въ чужомъ лѣсу (разд. VIII, арт. 51); 2, Въ случаѣ присвоенія чужой борти (разд. VIII, арт. 6); 3, Копа производила также слѣдствіе и судъ о воровствѣ, если преступникъ былъ не извѣстенъ, и если подозрѣніе въ покражѣ падало на цѣлое селеніе. Впрочемъ, законодатель не считалъ нужнымъ вносить въ Статутъ

1) Въ Русской Правдѣ находимъ также слѣды общины и народныхъ юридическихъ обычаевъ, хотя съ примѣсью нѣмецкаго права. Но объ этомъ законодательномъ памятникѣ мы не будемъ говорить до тѣхъ поръ, пока не откроемъ бо̂льшаго количества и болѣе древнихъ актовъ копнаго права.

не могли быть оснопателями сельских „ общинт,. Въ первыіі иеріодъ образовані,, русскаго государгтва городск.я обіцины с.уіцсствовали въ югоаападвой Россш, во всей и хь силѣ, „Ыра;„а„ с„ою властЬ посредством г, народныхъ собраній, когорЬія н.зы„ались вѣчами. Демократическое начато, на которомъ основаны были эги народныя собранія было соверпіенно противуположно нолигикѣ великихъ князей русскихъ, стремившихся къ самодержавію; но этому древняя исторія Россіи представляегъ продолжительную и упорную борьбу верховной власги князей съ могуіцсственными городскими общинсмц.

Нельзя предпо.іагать, чтобы князья Русскіе, истребляя городскія общины огнсмъ и мечемъ, въ тоже время основывали сельскія общины, тѣмъ болѣе пто города, покрайней мѣрѣтѣизъ нихъ, которые возникали не „о распоряженію правительства, но по естественнымъ экономическимъ законамъ, въ слѣдсгвіе увеличенія народонаселенія и развитія нромышленнос ги, возникали изъ сельскихъ общН Нъ и почерпали изъ нихъ с«ои жизненныя силы.

Древнихъ "ольскихъ королей нелъзя также считать основагелями сельскихъ общинъ, въ югозападной Россіи. Они, также какъ и русскіе князья стремились къ самодержавію, и поэтому старались ослабить общинное начало у всѣхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королевства. Этой цѣли короли польскіе достигали преимущественно распросграненіемъ пѣмецкаго права въ зеляхъ имъ подвластныхъ, и усиленіемъ власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Нѣмецкое право, проникавшее въ Iюльшу со временъ Болеслава 1-ю (992—1025), основывалось на избирательномъ началѣ;

вчѣсто народпаго собрапія или вѣча яиляялсл войтъ съ лавпнками и ратманами. Эти лица имѣли административную и судебную пласть; народныя собранія подъ открытымъ небомъ зам IIНЯЛИСЬ засѣданіями въ магистрагахъ и ратушахъ, народные юридическіе обычаи уступали мѣсто нѣмецкому праву, обіцины и.іи совершенно исчезли или сла >ѣли, теряя свое древнее юридическое значеніс, Вь Статутѣ Литовскомъ, въ первый разъ находимъ ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о суіцествованіи сельскихъ обіцинъ въ югозападной Россіи, объ ихъ дрсвнемъ обычномъ иравѣ и народныхъ собраніяхъ ^). Во всѣхъ грехъ редакціяхъ Статуга, сельская община является не новымъ, но стародавнимъ установлеиіемъ; народное сельское собраніе, или копа, производитъ судъ и расправу по стародавнпмъ обычаямъ.

Статутъ Литовскій 1529 года, въ перкып разъ предоставилъ народнымъ селъскимъ собраніямъ законную, обязательную силу. Копа собираетея, производитъ слѣдствіе и судъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, Въ случаѣ вреда, причиненнаго въ чужомъ лѣсу (разд. VIII, арт. 51); 2, Въ случаѣ присвоенія чужой борти (разд. VIII, арт. 6); 3, Iюпа производила также слѣдствіе и судъ о вороисгвѣ, если преступникъ былъ не ИЗВѢСГІ НЪ, и если подозрізііе въ покражѣ падало на цѣлое селеніе. Впрочемъ, законодатель не считалъ нужнымъ впосить въ Сгагутъ

---

1) Вт> Русской Правдѣ находимъ также слѣды общины н народныхъ юридическихъ обычаевъ, хотя съ примѣсью нѣмецкаго права. Но объ этомъ законодате.тьномъ памятникѣ мы не будемъ говорить до тѣхъ поръ, пока не откроемъ б^льшаго ко.шества и болѣе древнихъ актовъ копнаго права

полную систему обычнаго права, предполагая это право болѣе извѣстнымъ, чѣмъ писанные законы. Поэтому, въ Статутѣ постановлено рѣшать дѣла по стародавнимъ обычаямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, на которые нѣтъ опредѣленныхъ писаныхъ законовъ (разд. VI. арт. 1, 3, 23; разд. VIII. арт. 6). Такимъ образомъ, обычное или копное право, имѣвшее своимъ основаніемъ автономію общинъ, утверждено было верховной властію и получило силу закона, наравнѣ съ писанными законами.

Второй Статутъ Литовскій, изданный въ 1566 году, подтвердилъ статьи перваго Статута о копныхъ судахъ и, сверхъ того, заимствовалъ изъ копнаго права еще нѣсколько постановленій, не вошедшихъ въ первый Статутъ. Сюда относятся: слѣдствіе и судъ надъ трупомъ человѣка проѣзжаго или безплеменнаго, за котораго никому было получить головщину (разд. XI. арт. 51); слѣдствіе и судъ о потравѣ хлѣба скотомъ (разд. XIII. арт. 2); о преслѣдованіи и открытіи преступника, по его слѣдамъ (XIV. арт. 6.).

Третій Статутъ Литовскій, изданный въ 1588-мъ году, принялъ въ свой составъ постановленія о копныхъ судахъ, помѣщенныя въ первыхъ двухъ Статутахъ [1]), подтвердилъ существовавшіе древнихъ сельскихъ общинъ въ югозападной Руси и распространилъ это установленіе на нѣкоторыя другія области, входившія въ составъ польскаго королевства. Говоря о преслѣдованіи преступниковъ, Статутъ постановляетъ, что на Руси и въ другихъ мѣстахъ,

---

1) Разд. XI. арт. 26; разд. XIII. арт. 2; разд. XIV. арт. 2, 9, 17 и 18.

гдѣ издавна бывали народныя собранія сельскихъ общинъ (копы), тамъ они должны существовать на старыхъ коповищахъ, по старому обычаю. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копы не бывали, тамъ они должны быть собираемы, такимъ же порядкомъ. Подкоморіи, завѣдывавшіе разграниченіемъ и размежеваніемъ земель, должны были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копъ не бывало, назначить сборныя мѣста, или коновища, приписавъ къ этимъ центральнымъ мѣстамъ всѣ окольничыя селенія, находившіяся, со всѣхъ четырехъ сторонъ, на растояніи одной мили [1]).

Не смотря на постановленіе Статута Литовскаго, имѣвшее цѣлію распространить сельскія народныя собранія въ югозападной Руси и дать имъ законную силу, сельскія общины, въ XVI и XVII вѣкахъ, являются въ состояніи совершеннаго упадка и разрушенія. Нахо лсь въ протнурѣчіи съ новыми началами государственнаго устройства и особенно съ властію помѣщиковъ, не соотвѣтствуя тому состоянію, въ какое были поставлены, какъ увидимъ ниже, крестьяне въ это время,—сельскія общины югозападной Россіи, съ своими вѣчами и копнымъ правомъ, поражаютъ изслѣдователя, какъ развалины древняго, нѣкогда обширнаго и (можетъ быть) стройнаго зданія, среди вновь построеннаго города. Власть вѣча и юридическіе обычаи, имъ созданные, въ древнія времена имѣли основаніемъ автономію общинъ. Но эта автономія должна была прекратиться съ принятіемъ верховною властію новыхъ началъ и съ развитіемъ неограниченной власти помѣ-

---

1) Стат. Литов. 1588 года, разд. XIV. арт. 2.

полную систему обычнаго права, предполагая это право болѣе..звѣстнымъ ь, чѣмъ писанные законы Поэтому, вт, Статугѣ поетановлено рѣшать дѣла по стародавнимъ обычаямъ, во веѣхъ тѣхъ случанхъ, на которые нѣтъ оп.,едѣлені/ыхъ пиеанныхъ законовъ (разд. VI. арт. I, 3, 23; разд, VIII. арт. 6). Такимъ образомъ, обычное или копное право, имѣв
шее своимъ оенованіемъ авгономію обіцинъ, утверждено было верховная влаегію и получило силузакона, наравніі съ писанными законами.
Іітороі Статутъ.Іитовекій, изданный въ 1366 году, подгвердилъ етатьи перваго Статута о копныхъ судахъ и, сверхъ гого, заимегвоваль изъ копнаго права еще нѣсколько ііоегановаленій, не во
шедшихъ ВІ, первый Статугъ Сюда огносятся: слѣдс гвіе и.судь надъ труіомь чсловѣка проѣзжаго или безплеменнаго, за котораго не^ому было получить головщину (разд. XI. арт. 51); слѣдсгвіе и оудъ о потравѣ хлѣба скотомъ (разд. XIII. арт. 2); о нре
слѣдованіи и открыгіи прсступника, по его слѣдамъ (XIV. арг. «,).
Третій Статутъ Лнтовскій, изданный въ 1388-мъ году, принялъ въ свой составъ ностановленія о копныхъ судахъ, помѣщенні.ія вь первыхъ двухъ Стат.) тахь '), нодтвердилъ суіцествованіе древнихъ сельскихъ Общинъ въ югозападной Руси и распростра
ниль это установленіе на нѣкоторыя другія области, входившія въ составъ польскаго королевства. Говоря о прсслѣдованіи преступниковь, Сгатутъ постановляеть, что на Р.уси и въ другихъ мѣстахъ,

---

1) Разд. XI. арт. 26; разд. ХШ. арт. 2; разд. XIV. арт. 2 9, 17 и 18.

гдѣ издавна бывали народныя собранія ссльскихъ обіцпк копы), ТЯЙГЪ они Д О Л Я І Н Ы суіествовать на старыхъ коповищахі., по сгарому обычаю. Иъ тѣхъ мѣстахь. гдѣ нрежде копы пе бынали, тамь они должны быть собир.іемы, такимь жс порядкомъ. Нодкоморіи, завѣдывавшіе разграниченіемъ п размежеваніем і. земсль, должны были вь тѣхь мѣстах ь, гдѣ прежде копъ не бывало, назначить сборныя мѣста, или ьоновища, приписавъ къ этимь центральнымъ мѣстамъ нсѣ околичныя селснія, на\одившіяся, со всѣхъ четырехъ сгоронь, на растояніи одной мили ').
Не смотря на іюстановленіе Стату га Литовскаго, имѣвиісе цѣ.іію распространигь сельскія народныя собранія вь югозанадной Руси и дать имъ законную силу, сельскія общины, вь XVI и XVII вѣках ь, являются въ состояніи совершсннаго упадка и разрушонія. Нахо ясь вь нротивурѣчіи съ новыми
началами государстненнаго устройства и особенно съ В Л і І С Т І Ю помѣщиковъ, нс соогвѣтствуя тому сосгоянію, въ какое бы-ш ноставлены, какъ увидимъ ниа;е, крестьянс вь это врсмя,—сельскія общины югозападной Россіи, съ своими вѣчами и копнымъ
нравомь, поражають изслѣдоваіеля, какъ развмлины древняго. нѣкогда обширнаго и (можетъ быгь) стройнаго здания, среди вновь построеннаго города. Власть иѣча и юридическіе обычаи, имъ созданные, нь древнія времена амѣли основаніемъ автономію общинь. Но эта автономія должна была нрекратиться еь принятіемъ верховною властію новыхъ началь и сь разіііитісмъ нелграні.чснном віасти П О М І І

---

1) Стат. Литов. 1588 года, разд. XIV. Арт. 2.

щиковъ. Съ тѣхъ поръ, общинное или копное право должно было оставаться неподвижнымъ; вся его сила и дѣйствительность принуждены были основываться только на вѣрномъ сохраненіи обычаевъ въ памяти мужей-сходатаевъ, на старинѣ и давности. Поэтому, когда сходатаи являлись въ урядъ и требовали исполненія постановленнаго ими приговора, то они ничѣмъ не могли доказать справедливость своего требованія, какъ только давностію своего копнаго права. Такъ, общинная связь между селеніями, обязанность являться на копу и отвѣчать за совершенныя въ округѣ общины преступленія основывались только на томъ, что крестьяне этихъ селеній были сходатаями издавна: »издавна о шкоды шелякія схожывалися«. Также точно и основныя положенія копнаго права, которыми руководствовались собранія общинъ въ производствѣ слѣдствія и суда, основывались на одной только давности: »издавна межи намп шкодника ничѣмъ инымъ, какъ только копою доходятъ«; или: »невыходъ всегда платитъ шкоду, по стародавнему обычаю«; »копа вела слѣдъ, водле стародавнос звыклости« [1]). Основываясь на давности и остановившись неподвижно въ своемъ развитіи, копное право въ XVI и XVII вѣкахъ, является несовременнымъ, несоотвѣтствующимъ новымъ условіямъ общественной жизни. Притомъ же, въ это время существовали правительственныя мѣста, по разнымъ отраслямъ управленія: урядамъ гродскимъ принадлежала мѣстная полиція, судъ надъ преступниками и рѣшеніе споровъ о движимой собственности; дѣла о

[1]) См. прилож. III.

поземельной собственности принадлежали уряду земскому; подкоморскіе суды завѣдывали межевыми дѣлами. Эти правительственныя мѣста, обнимая всѣ отрасли мѣстнаго управленія, руководствовались опредѣленными писанными законами; поэтому копные суды, съ своими древними обычаями, сохранившимися въ памяти сходатаевъ, представляли странную аномалію въ общемъ составѣ управленія.

Сходатаи, составлявшіе народныя сельскія собранія, находясь въ состояніи жалкаго униженія и угнетаемые бѣдностію, теряли способность быть безпристрастными слѣдователями, разумными судьями и правовѣдами [1]). Отъ этого, при изслѣдованіи преступленій, они дѣйствуютъ робко, и рѣшенія ихъ не всегда согласны съ правомъ. Такъ на копѣ, производившей слѣдствіе, въ 1564 году, о выдраніи пчелъ изъ бортей, истцы, крестьяне Сенько и Демьянъ, объявили подозрѣніе на покражѣ на повара господарскаго Степана. Обвиняемый давалъ отводъ, ссылаясь на мѣщанина Мельницкаго Зенька. По копному праву, слѣдовало, прежде всего распросить Зенька; но истцы, не слушая приговора копы, подвергли обвиняемаго пыткѣ, били прутьемъ и жгли огнемъ. Сходатаи, вмѣсто того, чтобъ удержать мучителей, разошлись, и допрашиваемый умеръ подъ пыткою [2]). Униженіе и бѣдность произвели

[1]) Въ актовыхъ Луцкихъ книгахъ находится описаніе нѣкоторыхъ селеній, входившихъ въ составъ одной изъ исчисленныхъ нами выше общинъ, именно селеній: Топольнаго, Воли Рожищской, Пожарокъ, Теремнаго, Липлянъ и мѣстечка Рожища. Возный доносилъ уряду, что всѣ эти селенія »зубоконые, дворы покажоные, погнилые, люди разогнанные, знищеные«. Книга гродская Луцкая 1591 года, листы 314—318.

[2]) См. прилож. I.

щиковъ. Съ Т Ѣ Хъ поръ, общинное или копяое нрано должно было оетаватьея ненодвижнымъ; вся его сила и дѣйствительнооть принуждены были основываться только яа вѣрномъ сохраненіи обычаевъ

"ь памяти му;кей-сходатаевъ, на старинѣ и давяости. Поэгому, когда сходатаи являлись нъ vрядъ и требовали исполненія постановленнаго ими приговора,,о они ничѣмъ не могли докааать справедлпвость своего требоііанія, какъ только давностію своего копнаго прана. Такъ, общинная связь между селеніямп, обязанность являться на копу и отвѣчать за совершенныя въ округѣ общины преступленія ос/ювывались только на гомъ, что крестьяне этихъ селеній были сходатаями издавна: „издавна о гакоды нпіелякія схоашналися«. Также точно и ос новныя положенія копнаго нрава, которыми руководгтвовались собранія общинъ въ производствѣ слѣдств.я и суда, основывались на одной только

давности: «издавна межи намп шкодника ничѣ>.ъ инымъ, какъ только копою доходятъ«; илп: »невыходъ всегда платитъ шкоду, по стародавнему обычаю«; »копа вела слѣдь, водле стародавнос звыклости« Основываясь на давности и остановившись неподвижно въ своемъ развитіп, копное право въ XV*I и XVII вѣкахъ, является несовременнымъ, несоотвѣтствующимъ новымъ условіямъ общественной жизни. Притомъ же, въ это время оущесгвовали иравите.іьственныя мѣста, по разнымъ отраслямъ управленія: урядамъ гродскимъ прпнадлея«ала мѣстная полиція, судъ надъ преступниками и рѣшеніе споровъ о днижимой собственносги; дѣла о

поземельной собственности принадлежа іи уряду земскому; подкоморскіе суды завѣдывали межевыми дѣлами. Эти іірательственныя мѣста, обнимая всѣ отрасли мѣстнаго управлспія, руководствовались опрсдѣленными писаннымп законами; поэтому конные суды, съ сноими древними обычаями, сохранявн.имися въ памяті: сходагасвъ, представляли странную аномалію въобіцемъ составѣ упрапленія.

Сходагаи, состанлявшіе народныя сельскія собранія, находясь въ сосгояніи жалкаго униженія и угнегаемые бѣдностію, геряли способность быть без ііристрасгнымп слѣдователями, разумпыми судьями и нравовѣдами *). Отъ этого, при изслѣдованіи пре_ ступленій, они дѣйствують робко, и рѣшенія ихг не всегда согласны съ правомъ. Такъ на копѣ, производившей слѣдствіе, въ 1564 году, о выдраніи пчелъ изъ бортей, истцы, крестьяне Сенько и Демьянъ, объявили подозрѣніе въ покражѣ на повара

господарскаго Сгепана. Обвиняемый давалъ отводъ, ссылаясь на мѣщанина Мельницкаго Зенька. Ію копному праву, слѣдовало, нрежде нсего распросигь Зенька; но истцы, не слушая приговора копы, нодвергли обвиняемаго пыткѣ, били прутьемъ и я«гли огнемъ. Сходатаи, вмѣсто гого, чгобъ удергкагь мучителен, разошлись, и допраіиваемый умерь подъ пыткою2). Униженіе и бѣдность произвели

---

1) Въ актоиыхъ Луцкихъ книгахъ иаходится описаиіе иѣкоторыхъ селеиій, входиішихъ нъ составъ одной изъ исчисленныхъ нами выше общинъ, именно селеній: Топольнаго, Воли Рожищской, Пожарокъ, Теремнаго, Липлянъ и мѣстечка Рожища. Возный доносилъ vряду, что всѣ эти селеиія «зубоконые, дворы покажоные, ногнилые, люди разогнанные, знщеные«. Книга гродская Луцкая 1591 года, листы 314—318.

2) См. прилож. I.

нравственную поруку въ сельскомъ народонаселеніи; поселяне, вмѣсто того, чтобы предотвращать преступленія, открывать и наказывать преступниковъ, сами разбойничали, поджигали и грабили имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, упорно отказываясь являться на вѣче, для открытія и наказанія преступниковъ.

Судебная власть, которою пользовались крестьяне въ народныхъ собраніяхъ, находилась въ рѣкомъ противурѣчіи съ неограниченною властію помѣщиковъ. Помѣщикъ и его управляющій имѣли безотвѣтное право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію [1]). Эти же самые крестьяне, собранные на копу, могли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовать помѣщиковъ на свой судъ и подвергать ихъ (взысканіямъ (Прилож. V) Сходатаи, находясь въ

[1]) Это право предоставлено было помѣщикамъ въ 1887 году Voll. Legg. 607). Слѣдующая вышиска изъ актовыхъ книгъ представляетъ образецъ помѣщичьяго суда и доказываетъ, что помѣщики и ихъ управляющіе дѣйствительно пользовались правомъ казнить смертію своихъ слугъ и крестьянъ. Въ 1593-тъ году, генеральный возный доносилъ уряду гродскому: »Былъ я въ мѣстечкѣ Степановскомъ, когда панъ Василій Золотолинскій судилъ слугу своего Миша, который убилъ Петра Творевскаго, слугу пана Богдана Омельяновича, старосты Степанскаго. И когда тотъ Мишо, убійца, представленъ былъ на судъ, то панъ Золотолинскій спрашивалъ его: »признается ли онъ въ своемъ преступленіи?« и Мишо сказалъ: »я ничего никакой вражды съ Петромъ Творовскимъ не имѣлъ; только грѣхъ меня попуталъ, что я его убилъ«. Панъ Золотолинскій, слыша такое добровольное признаніе слуги своего Миша, осудилъ его, какъ убійцу, на смертную казнь. Тотъ же часъ, предомною вознымъ, осужденный отданъ былъ въ руки палача и, какъ убійца, подвергнутъ строгой казни: »былъ четвертованъ«. (Книга гродская Луцкая 1593 г., листъ 798) г. Въ 1873-мъ году, возный Кременецкій, Григорій Гуляльницкій, доносилъ уряду Кременецкому:

полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и рѣшая дѣла въ ихъ присутствіи, не могли имѣть той свободы мыслей, которая необходима для безпристрастнаго изслѣдованія дѣла и для добросовѣстнаго суда. Иногда помѣщичій урядникъ, присутствуя на копѣ, вмѣшивался въ дѣлопроизводство, перебивая рѣчи истца, прерывая распросъ сходатаевъ ругательствами, и самовольно уводилъ крестьянъ изъ собранія, не дождавшись судебнаго рѣшенія [1]). Производя слѣдствіе и судъ подъ вліяніемъ помѣщиковъ и ихъ урядниковъ, копа постановляла рѣшенія, не всегда согласныя съ правомъ. Такъ, напримѣръ, копа, собиравшаяся для изслѣдованія и рѣшенія дѣла о покражѣ яблокъ и хмѣля въ саду Евстафія Коровая, въ угоду этого помѣщика, рѣшила дѣло неправильно. Одинъ изъ сходатаевъ, Хведько Игнатовъ сынъ, объявилъ на копѣ, что онъ видѣлъ, какъ сыновья крестьянина Кузьмича везли хмѣль чрезъ село отъ саду пана Евстафія Коровая. По-

«Былъ я у пана Ласка Секунскаго, вмѣстѣ съ слугою князя Николая Збаражскаго, Лавриномъ Козулею. И Лаврінъ Козуля спрашивалъ пана Михаила Ласка: »для чего ты приказалъ безвинно повѣсить боярина господарскаго Ехвима, который имѣлъ братьевъ и осѣдлость въ Жолобѣ? »И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ:« кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Ехвима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ.« Потомъ спрашивалъ Лаврінъ у пана Михаила Ласка: »по какой причинѣ, ты приказалъ замучить на смерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Сѣдельника, и для чего забралъ себѣ все ихъ имущество?« Панъ Ласко признавался, что Воронко умеръ у него въ тюрьмѣ, а о Лавриновичѣ и Степанѣ сказалъ: »они получили плату по заслугамъ, и я никому не обязанъ давать въ этомъ отчетъ, такъ какъ они были крестьяне моихъ селъ». Книга гродская Луцкая 1573 года, листъ 166 на оборотѣ.

[1]) См. прилож. II.

нравстоенную поручу въ сельскомъ народонаселеніи; поселяне, вмѣсто того, чтобы пре/іотвращать пресгупленія, открывать и пакаяывать преступниковъ, сами разбойничали, подашгали и грабили имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, упорно отказываясь яв
ляться на вѣче, дЛЯ открытія и наказанія нреступниковъ.

Судебная власть, которого пользовались крестьяне въ народныхъ собраніяхъ, находилась въ рѣзкомъ противурѣчіи съ неограниченного властіго помѣщиковъ. Помѣщикъ и его управляющій имѣли безогвѣтное нраво казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію *). Эти ;ке самые кресгьяне, собранные на копу, могли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовать помѣщиковъ на свой судъ и подвергать ихъ (взысканіямъ (Прило;к. V) Сходатаи, находясь въ

') Это право предоставлено было помѣщикамъ въ 1887 году Voii. Ъсее607). Слѣдующая вьшиска изъ актовыхъ книгъ представ
ляетъ образецъ помѣщичьяго суда и доказываетъ, что помѣщики и ихъ управляющіе дѣйствительно пользовались гіравомъ казнить смертію своихъ слугъ и крестьянъ. Въ 1393-тъ году, генеральный возный доносилъ уряду гродскому:,.Былъ я въ мѣстечкѣ Степановскомъ, когда панъ Василій Золотолинскій судилъ слугу своего Миша, который убилъ Петра Творевскаго, слугу пана Богдана
Омельяновича, старосты Степанскаго. Икогда тотъ Мишо, убійца, представленъ быиъ на судъ, то панъ Золотолинскій спрашивалъ его: «признается ли онъ въ своемъ преступленіи?« и Мишо сказалъ: »я ничего нішакой вражды съ Петромъ Творовскимъ не имѣлъ; только грѣхъ меня нопуталъ, что я его уби.іъ«. Паігь Золотолші скій, слыша такое добровольнос нризнаніе слуги своего Миша, осудилъ его, какъ убійцу, ма смертную казнь. Тотъ же часъ, предомною вознымъ, осужденный отданъ былъ въ руки палача и, какъ убійца, подвергнутъ строгой казни: »былъ четвертованъ». (Книга гродская Луцкая 1893 г., листъ 798) г. Въ 1873-мъ году, возный Кременецкій, Григорій Гуляльницкій, доиосилъ уряду Кременецкому:

полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и рѣшая дѣла въ ихъ присутствіи, не могли имѣть той свободы мьтгмсй, которая необходима для безпристрастнаго изслѣдованія дѣ.іа и для добросовѣстнаго суда. Иногда номѣщичій урядникъ, присутствуя на копѣ, вмѣшивался въ дѣлопроизводство, перебивая рѣчи исгца, прсрывая распросъ сходагаевъ ругательсгвами, и самовольно уводилъ крестьянъ изъ собранія, не дощдавшись судебнаго рѣшеніа1). Производя слѣдствіе и судъ подъ вліяніемъ иомѣщиковъ и ихъ урядниковъ, копа постановляла рѣшенія, не всегда согласныя съ правомъ. Такъ, напримѣръ, копа, собираюшаяся для изслѣдованія и рѣшенія дѣла о покражѣ яблокъ и хмѣля въ саду Евсгач»ія Коровая, ігь угоду этого помѣщика, рѣшила дѣло неправильно. Одинъ изъ сходатаевъ, Хведью Пгнатовъ сынъ, об ьявилъ на копѣ, что онь видѣлъ, какъ сыновья крестьянина Кузьмича везли хмѣль чрезъ село отъ саду пана Евстао»ія Коровая. По-

---

колая Збаражскаго, Лавриномъ Козулею. И Лаврінъ Козуля спрашивалъ пана Михаила Ласка: »для чего ты приказалъ безвинноповѣсить боярина господарскаго Ехвима, который имѣлъ братьевъ и осѣдлость въ Жолобѣ? »И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ:« кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Ехвима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ.« Потомъ спраншивалъ Лаврінъ у пана Михаила Ласка: »по какой причинѣ, ты приказалъ замучить насмерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Сѣдельника, и для чего забралъ себѣ все ихъ имущество?« IIанъ Ласко признавался, что Воронко умеръ у него въ тюрьмѣ, а о Лавриновичѣ и Степанѣ сказалъ: »они получили плату по заслугамъ, и я пикому не обязанъ давать въ этомъ отчетъ, такъ какъ они были крестьяне моихъ селъ». Книга гродская Луцкая 1873 года, листъ 166 на оборотѣ.

') См. прилож. II.

слѣ такого показанія нужно было, по копному праву, допросить сыновей крестьянина Кузьмича; но копа, производя судъ въ присутствіи помѣщика, рѣшила дѣло иначе, предоставивъ истцу право выбрать пять изъ присутствовавшихъ въ собраніи крестьянъ шесть мужей, которые должны были присягнуть, что они о покражѣ ничего не знаютъ и преступника не вѣдаютъ. Крестьяне, твердо зная свое копное право, присягать отказались, сказали: »Ужъ какъ ты себѣ хочешь, панъ Коровай, а мы присягать не пойдемъ и не хочемъ; такъ какъ Хведько Игнатовъ сынъ вызналъ, что сыны Кузьмичовы везли чрезъ село хмѣль, отъ саду пана Евстафія Коровая ко двору своего помѣщика«. Тогда панъ Коровай выбралъ одного изъ шести сходатаевъ, крестьянина Гераська Кузьмича, и требовалъ отъ него одного присяги. Гераско Кузьмичъ также присягать отказался. Тогда копа опредѣлила декретомъ своимъ, что Гераско Кузьмичъ, отказавшійся присягнуть по требованію пана Коровая, долженъ заплатить за весь вредъ, причиненный покражею въ саду пана Коровая. Такимъ приговоромъ нарушено было копное право въ существенныхъ его основаніяхъ. Такъ какъ общинный союзъ оказывался безсильнымъ для предупрежденія преступленій и для водворенія безопасности, то помѣщики установляли между собою *заруку*: они заключали договоръ, по которому крестьяне одного селенія, причинившіе вредъ другому селенію, обязаны были, сверхъ удовлетворенія за убытки, платить денежный штрафъ, опредѣленный договоромъ [1]).

[1]) Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ.

Въ слѣдствіе жалкаго состоянія крестьянъ и ихъ безусловной зависимости отъ помѣщиковъ, народныя сельскія собранія теряли довѣріе; ихъ копное право выходило изъ употребленія, ихъ судебные приговоры оставались безсильными, возбуждая презрѣніе помѣщиковъ. Такъ однажды объявленъ былъ приговоръ копы помѣщицѣ Хребтовичевой въ Богуринѣ. На основаніи этого приговора, вся копа, въ полномъ составѣ, явилась къ помѣщицѣ и требовала, чтобъ она приказала уряднику своему заплатить за покражу вола. Пани Хребтовичева отвѣчала: »Я па голое слово мужицкое платить не приказываю« [1]). Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ общинныхъ судахъ. Въ 1602 году, собиралась копа во Владимірскомъ повѣтѣ, около села Могильна. Крестьяне села Овадна, входившаго въ составъ общины, не явились на вѣче. Тогда сходатаи отправили огъ себя депутатовъ въ село Овадно и требовали, чтобъ крестьяне этого села явились на копу, крестьяне села Овадна сказали депутатамъ: »Мы рады были бы на копу идти, да паны наши приказали, чтобы мы ни на какую копу не ходили; поэтому, боясь своихъ пановъ, не пойдемъ« [2]).

Изображенное нами состояніе сельскихъ общинъ югозападной Руси, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, доказываетъ, что это установленіе уже отжило свой вѣкъ, что оно какъ остатокъ древности, противурѣчило новымъ формамъ общественной жи-

[1]) См. прилож. II.
[2]) Книга гродская Владимірская 1601 года, листъ 131.

слѣ такого покязанія нужно было, по копноиу прану, допросить сыноней крестьянина Кузьмича; но копа, произнодя судт, нь присутстпіи помѣщчка, рѣпила дѣло иначе, предостанивъ истцу право выбрать пяъ приеутствовавшихъ вг, собраніи кресть янъ шсств му.ксй, когорые должны были присягнуть, чго они о покражѣ пичего не знаютъ и преступника не вѣдаютъ. Крестьпне, твердо зная свое копное право, присягать отказались, сказали: »Ужъ какъ ты себѣ хочешь, панъ Коровай, а мы присягать не пойдемъ и не хочсмъ; такъ какъ Хведько Игнатовъ сынь вызналъ, что сыны Кузьмичовы везли чрезь село хмѣль, огъ саду пана ЕвсгаФія Коровая ко двору своего помѣіцика«, Тогда пань Коровай выбралъ одного изъ шесги сходатаевъ, крестьянина Гераська Кузьмича, и гребовалъ отъ него одного присяги. Гераско Кузьмичъ таиже присягать огказался. Тогда копа опрсдѣлила декретомъ своимъ, что Гераско Кузьмичъ, огказавшіися присягнуть но требоканію нана Коровая, долженъ заіілатигь за весь вредъ, прмчинснным покражею нъ саду пана Коровая. Такимъ пригоиоромъ нарушено было копное право вь суіцественныхъ его основаніяхъ. -Такъ какъ общинныч союзъ оказывался безсильнымъ для п.оедупрежденія преступленій и для водворенія безопасноети, то помѣіцнки
устаиовляли мсжду собою заруку: они заключали договоръ, по і.оторому крееіьянс одного селенія, причинившіе вредъ другому селенію, обязаны были, еверхъ удовлетворенія за убытки, платить денежныіі штраФъ, опредѣленный договоромь 1).

') Кннга гродская Луцкая 1595 года, листт. 70 на оборотѣ.

Въ слѣдствіе жалкаго состоянія крестьянъ и ихъ безусловной зависимости отъ помѣіциков ь, народныя сельскія еобранія теряли довѣрie; ихъ копное право выходило изъ употребленія, ихъ судебные приговоры оставались безсильными, возбуждая презрѣніе помѣщиковъ. Такъ однаяіды объявленъ быль приговоръ копы помѣщицѣ Хребтовичевой въ
Богуринѣ. На основаніи эгого приговора, вся копа, въ полпомъ составѣ, явилась къ помѣіциѣ и требовала, чтобь она приказала уряднику своему заплатить за покражу вола. Пани Хребтовичева отвѣчала: »Я па голое слово мулшцкое платить не нриказываю«г). Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, нѣкоторые помѣщики вонсс запретили своимь крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ общинныхъ судахъ. Вь 1602 году, собиралась копа во Владимірскомъ повѣтѣ, около села Могильна. Крестьяне села Овадна, входившаго въ составъ общины, не явились на вѣче. Тогда сходатаи отнравили огъ еебя депутатовъ въ село Овадно игрсбовали, чтобъ крестьяне этогоселаявились на копу, крестьяне села Овадна сказали депутагамъ: »Мы рады были бы на копу идги, да паны наши приказали, чгобы мы ни на какую копу пс ходили; поэтому, боясь своихь пановь, не пойдемь« 2).

Изображенное нами состояніе ссльскихь общинъ югозападнои Ріеи, въ XVI и XVII сголѣтіяхъ, доказывасть, что это установленіе уже отжило свой вѣкъ, ч ю оно какь оетатокъ древности, противурѣчило новымь Формамь общественной жи

') См. прилож. 11. ») Кішга гродская Владимірская 1601 года, листь 131.

зни и должно было изчезнуть отъ разширенія власти правительственныхъ мѣстъ и лицъ, отъ нравственнаго и экономическаго упадка поселянъ, наконецъ отъ постепеннаго возрастанія власти помѣщиковъ надъ крестьянами [1]).

Н. Иванишевъ.

[1]) Представленное мною изслѣдованіе не рѣшаетъ окончательно вопроса о сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи. Я разсмотрѣлъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ; но въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ находится такихъ книгъ 6718 и, сверхъ того, 377,307 отдѣльныхъ актовъ. Подобные же Центральные архивы учреждены въ Вильнѣ и Витебскѣ. Въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ находится 9370 актовыхъ книгъ; число актовыхъ книгъ въ Витебскомъ архивѣ мнѣ не извѣстно. Но самыя древнія актовыя книги, съ 1384-го по 1784-й годъ, хранятся во Львовѣ, въ Бернардинскомъ монастырѣ, въ числѣ трехъ тысячъ томовъ. При взглядѣ на эту массу почти не тронутыхъ письменныхъ памятниковъ, дѣлается понятнымъ, почему самые важные вопросы, касающіеся внутренней жизни древней Руси, остаются нерѣшенными, не смотря на добросовѣстныя усилія нашихъ ученыхъ: мы еще слишкомъ мало изслѣдовали и издали въ свѣтъ историческихъ матеріаловъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Жалоба королевскаго повара Васька Степановича о томъ, что Сенько Туровичъ и Демьянъ Федцевичъ, въ присутствіи коны, собранной на вычь въ дубравѣ, замучили пыткою отца его Степана. Показаніе урядоваго вижа. 1564-го Апрѣля 18.

Року 1564, мѣсяца Априля 18 дня, у волторокъ.

Пришодчи передъ мене Андрѣя Ивановича Русина, подстаростего Луцкого, кухаръ Его Королевское милости, Васько Степановичъ Велицкій, съ пріятелями своими, жаловалъ плачливе а обтяжливе на подданного ее милости, княгини Матѳеевое Четвертенское, княгини Овдотьи Ѳедоровны Вагановского, наймя на Сенка Турецковича, человѣка Подлѣсскаго, и на помочника его Демьяна Федцевича, подданнаго ихъ милостей, князя Василія и князя Марка Солтановичовъ Сокольскихъ, Корсынскаго, оповѣдаючи

I.

1564 года, Апрѣля 18-го дня, во вторникъ.

Явившись предо мною, Андрѣемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростою Луцкимъ, поваръ Его Королевской милости, Васько Степановичъ Велицкій, съ пріятелями своими, съ плачемъ, горько жаловался на Сенька Турецковича, человѣка Подлѣсскаго, крестьянина ея милости, княгини Матвѣевой Четвертенской, княгини Авдотьи Ѳедоровны, урожденной Вакановской, и на помощника его Демьяна Федцевича, Корсынскаго крестьянина ихъ милостей, князей Василія и Марка Солтановичей Сокольскихъ, объявляя свою жалобу слѣдующими словами: «Прошлою осенью, въ истекшемъ тысяча пять сотъ шестьдесятъ третьемъ

зни должно было пзчезнуть отъ разшнренін влаСТП правительетвенныхъ М Ѣ с ть и ЛИЦ1>, о ть ственнаго и экоиоиичеекаго.упадка поеслянъ, наконецъ отт, постепеннаго ноЗрастанія власти поМIIщиковъ надь креетьянами').

---

1) Представлснное мною изслѣдованіс не рѣшаетъ окончательно вопроса о сельскихъ общш.ахъ въ югозападной Россіи. Я разсмотрѣлъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ; но въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ находитсл такихъ книгъ 6718 и, сверхъ того 377 307 отдѣльныхъ актовъ. Подобные жс Централыше архивы учреждены въ Ви.ишѣ и Витебскѣ. Въ Виленскомъ Централ номъ архивѣ находится 9370 актовыхъ книгъ; число актовьТхъ книгъ въ Витеоскомъ архивѣ мнѣ нс извѣстно. Но самыя древнія актовыя книги млі ТМ п о '784-й годъ, хранятся во Львовѣ, въ Бернардинскомъ монастырѣ, въ числѣ трехъ тысячь томовъ. IIри взглядѣ на эту массу почтн не троиутыхъ письменныхъ памятниковъ, дѣлается понятнымъ, почему самые важные вопросы, касающіеся внутренней жизнн древней Руси, остаются нерѣ.иенными, „е смотря надобросовѣстныя усилія нашихъ ученыхъ: мы еще слишкомъ мало и з с Ѣ довали и издали въ свѣтъ историческихъ матеріаловъ.

Historická studie o složení a fungování venkovských komunit (kopných soudů)

Co se týče složení, venkovské komunity (občiny) na jihozápadě Rusi měly různé podoby. Jedna lidnatá vesnice mohla tvořit samostatnou komunitu. Takovou obcí byla vesnice Bogurinskoje v Luckém obvodě, která patřila k několika panstvím. Ale komunity skládající se z jediné vesnice jsou vzácné; z větší části v sobě zahrnovaly několik, od čtyř do devíti, sousedních vesnic.

V uvedených dokumentech najdeme šest takových společenství:

Občina v okrese vladimírském, sestávající ze čtyř vesnic: lomské vesnice Iizsnikiči, Butjatiči, Vareski a vesnice biskupa Vladimira Tyškeviče.
Společenství v tomtéž okrese sestávající z pěti vesnic: královská vesnice Steferitskoye a vesnice Ovluchim, Vsrbos, Ruda a Vokhnoviči.
V Lucku komunita zahrnovala šest panských vesnic: Krupoe, Stavok, Palace, Podgajcy, vesnice Přední Podgajcy a Višky. K této komunitě patřila i vesnice Luck.
Běžné občiny v okrese vladimírském se skládaly ze sedmi rodinných vesnic: Mogilja, Gnoino, Turja, Smoljanka, Kolín, Vojchov a Verboe.
Komunita v luckém okrese sestávala z osmi vesnic: Velitsk, Seletsk, Podlesje, Arsopovo, Korsyn, Chitogošč, Brechovo a Ugolye.
Ve stejném okrese se komunita skládala z devíti vesnic vlastníků půdy: Poryck, Žmuč, Volja Žmudskaja, Melnica, vesnice pana Evstafije Korovala, vesnice pana Andreje Korovaja, vesnice paní Maliské, vesnice Ugly a vesnice Podlesy.
Jedna z vesnic, která tvořila komunitu, sloužila jako ústřední místo, ve kterém se rolníci shromáždili na večer. Častý příliv lidí do této vesnice rozvíjel městský průmysl, řemesla a obchod. Potom se vesnice proměnila v „miesto“ neboli město; jeho obyvatelé obdrželi titul měšťanů, ale stále patřili ke komunitě, která se skládala z města a sousedních vesnic.

Když bylo místu, které tvořilo centrum venkovské komunity, uděleno magdeburské právo, městské obyvatelstvo bylo odděleno od komunity, byla vytvořena samostatná korporace a ustavena zvláštní vláda založená na volebním principu, čímž bylo město uvolněno z účasti na venkovských lidových shromážděních. V důsledku tohoto oddělení nejbohatší části obyvatelstva došlo k oslabení venkovské komunity, ale spojení mezi vesnicemi, které ji tvořily, se nezměnilo. Je možné se domnívat, že se tak město Luck oddělilo od své komunity; protože navzdory magdeburskému právu, které toto město požívalo, předměstí jeho Okopišča stále udržovalo spojení s vesnicemi: Vyšky, Židyčino, Teremno, Jarovice, Dvorce a Lipljany a vytvořilo s nimi jednu komunitu.

Zahraniční spisovatelé z několika staletí zmiňují neuvěřitelnou rozmanitost lidí patřících ke slovanským kmenům jihozápadní Rusi. Takže kompilátor geografických mnichovských poznámek, který žil před Nestorem, mluví o Bužanech neboli Volyncích, kteří žili na řece Bug: „Bužané nazývají 231 měst ‚civitates'". Dá se spolehlivě předpokládat, že městy zde máme na mysli centrální místa komunit – občin.

Vesnice, které tvořily komunitu, se nazývaly „okolními sídly". Na jakém základě a v jaké době mezi nimi komunální spojení vznikalo a vzniklo, je těžké určit. Tento problém lze vyřešit, až budou objeveny starší dokumenty. V památkách psané legislativy, které jsou nám dostupné, o tom žádná zmínka neexistuje. Obyvatelé si někdy v komunitě stěžovali, že některé vesnice, které jsou s nimi ve stejné komunitě, se vyhýbají plnění svých komunitních povinností; ale spojení mezi vesnicemi rolníků nebylo vázáno zákony nebo smlouvami, ale zvyklostí: „Dlouho se s námi hádali ohledně zla".

(K tomuto druhu komunit patřilo: 1) město Turijsk a vesnice: Stavok, Ježi, Turoviče a Klečkovič v okrese Vladimir; 2) město Rožišči a vesnice: Ljubech, Rudka, Kozin, Stav, Solovin, Duč, Navoz, Sokolen a Smerdin v okrese Luck; 3) město Dubno, které patřilo knížeti Konstantinu Ostrožskému, a vesnice: Rančin, Pogorelci, Cvan, Golovčiči, Voznesenje, Torokanovo v Podbortském okrese).

Každá vesnice patřila k výměře vymezené přesnými hranicemi. Bylo to nutné zejména proto, že v případě spáchání